

18+

Олег Владимирович
Лебедев

Старинное зеркало в туманном городе

Олег Лебедев

**Старинное зеркало
в туманном городе**

«Издательские решения»

Лебедев О. В.

Старинное зеркало в туманном городе / О. В. Лебедев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938715-8

Марина перенесла психологическую травму. Ее переезд в Ригу — бегство от прошлого. Здесь ее жизнь меняется. Иоганн Рихтер... Призрак жившего во времена Реформации врача, обладающий таинственной силой. Ей приходится выбирать между чувством к нему и к другому. Чувством к художнику, страдающему неизлечимым недугом. Врач тоже несвободен. В события вмешиваются древние призраки, несущие абсолютное зло. Роман продолжает цикл «Рижские истории», начатый «Рижским ноктюрном мечты». Продолжение последует...

ISBN 978-5-44-938715-8

© Лебедев О. В.
© Издательские решения

Содержание

Рижский ноктюрн	6
Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	45
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Старинное зеркало в туманном городе

Олег Владимирович Лебедев

Мама, ты очень любила этот роман.

Издание посвящается тебе.

Прости меня и храни меня.

Олег.

© Олег Владимирович Лебедев, 2024

ISBN 978-5-4493-8715-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рижский ноктюрн

Предисловие

Хорошая проза не сиюминутна, немного старомодна и не от мира сего. Она вроде бы даже и не написана, а сыграна, как сольная партия на трубе одинокого музыканта или фортепьяно в кафе, сизом от сигаретного дыма.

Олег Лебедев – вот такой писатель. Производная не от мира сего, с его завиральной идеей – вернуть свое прошлое, обнаружить себя в интерьере, где ему было хорошо. Не комфортно и сыто, а, возможно, горько и больно, но – хорошо.

Эти интерьеры могут кому-то показаться спорными, вздорными и немного не верноподданническими (вспомним «Верноподданный» Томаса Манна). Прибалтика – нынче заграница, почти Европа и не всегда любезная. Но Рига, словно иголка, прошивает шпилями своих соборов пространство и время и пробует соединить это разорванное на куски полотно единого языкового пространства.

Кто не был в Риге, Юрмале, тот вряд ли поймет, как важно, чтобы этот незабываемый силуэт Домского собора, костела святого Екаба, приморский сосновый запах, подбитый облачностью и приправленный балтийской ляпис-глазурью, не исчезал. Ведь это пространство – часть русской жизни и любви, которая не подвержена политической конъюнктуре.

У Олега – хороший учитель, Владимир Орлов, прививший ему дичок бесшабашности. Собственно, «Альтист Данилов» многих сбил с панталыку. Все они – приверженцы этого фантастического произведения, очень музыкального и романтического. Не то чтобы сумасшедшие, но не нормальные, точно. Ненормальные в современном понимании. Не практичные, несчастные...

«Старинное зеркало в туманном городе» – роман о любви. Олег Лебедев словно и не умеет писать ничего другого. Вот и первая его повесть, опубликованная в журнале «Юность», тоже о любви и тоже о Риге – «Рижский ноктюрн мечты».

Это его жанр: ноктюрн. Что-то бесконечно трогательное, негромкое, печальное, сыгранное на ночь глядя, ибо – ноктюрн. В памяти возникают ноктюры Шопена.

Во всяком случае, очередная история о любви – явно музыка, собранная из обрывков тумана прозрачного города, почти мечты, воспоминаний, боли и радости. В этом бесконечно трогательном и печальном ноктюре хочется прописаться. Вместе с Мариной, Андрисом, Иоганном Рихтером.

Иоганн Рихтер появился из сказок Гофмана, что и немудрено. В этом городе с островерхими крышами испокон веков водились карлсоны, снежные королевы и, конечно, сказочники. Ну а привидения Жанна и Анна обитают всенепременно. Правда, ведут себя несколько нетрадиционно. Во всяком случае, не совсем, как в сказке. Но, однако, добрая половина сказочных фильмов в советские времена снималась в Риге.

Рига – сказочный город. Немного нереальный, немного как бы всегда в дымке, словно окутанный тайной. Поэтому проза Лебедева акварельна. Она ни к чему не призывает, никого не осуждает. Он рисует своих героев, миниатюрную женщину в дожде, идущую босиком, врача и художника, туманы. И в этом похож на своего героя Андриса, который боится смотреть людям в глаза. Все, что он умеет, – это рисовать акварели своего любимого города, силуэты соборов, туманную дымку прошлого. Все, что он умеет, – это рассказывать, никуда не торопясь, о любви.

И только поэтому это пространство Рижского взморья никуда не исчезло. И не исчезнет.

Там обитают вполне симпатичные привидения и люди. Они суеверны и суверенны. И мы им не чужие. Мы – свои – по праву родства, туманности наших перспектив и зыбкости бытия. Рижский ноктюрн, опус второй...

*Игорь Михайлов,
писатель,*

Глава 1

Город, в который Марина со своим отцом приехали, ей не понравился. Чужой, последний раз была здесь ребенком. Идет небольшой дождь, ветер порывистый. И так после поезда зябко, а тут так дует, что закурить невозможно. А еще туман, который ветер никак разогнать не может.

Небольшой вокзал, огромная площадь, на которую из него вышли. Вдалеке размытые туманом шпили старого города, парк, дома с башенками. Трамваи скользят по рельсам, их маршрутов Марина не знает.

Все в Риге незнакомое. Неродное. На душе стало еще хуже. Даже захотелось вернуться в Москву, в которой получила свою боль.

Отец Марины, наоборот, выглядел довольным. Холодный майский день откровенно радовал его. Редкий случай, когда улыбается. Марина хорошо знает эту улыбку отца. Одни глаза радуются. В них – искорка. И сейчас так. Ему Рига ближе, чем Марине. Он счастлив от встречи с городом, в котором вырос.

Отец заметил настроение дочери. Сразу попытался его изменить. Просто, как часто бывало в детстве, взял ее за руку. Радостной Марина не стала, это сейчас для нее невозможно. Но так все-таки чуть лучше.

Рука в руке они пошли дальше. Им надо было пересечь весь старый город. Дом, в котором Марине предстояло жить, на том его краю, что дальше всего от вокзала. За костелом святого Екаба. За древним массивным костелом с высоким зеленым шпилем.

Марина с отцом шли по мокрым мостовым старой Риги.

«Здравствуй!» – сказала Марине стройная кирха святого Петра.

«Здравствуй!» – сказал ей Домский собор.

Марина не слышит. Она не чувствует город. Вся в своей московской боли.

Она невысокого роста, очень худенькая. Носик вздернутый. Глаза большие, зеленые, их не всегда видно из-за длинной, косой челки, которая свешивается на них. Но смотреть на мир челка ей не мешает!

– Очень симпатичная, – так все говорят про нее.

Всю жизнь Марина была с этим согласна. Но в последнее время не считает себя симпатичной.

Она даже не хочет смотреть на себя! Возненавидела зеркала.

Симпатичная...

Может, дело в зеленых глазах? Они притягивают мужчин. Сами говорят, что балдеют от них.

Вот и Ал забалдел от глаз Марины. Он – англичанин, работает переводчиком в той же компании, что и она. Теперь-то Марина оттуда ушла, а он остался.

Она не сразу стала встречаться с ним. Но он был таким настойчивым...

Наверное, из-за настойчивости Марина, в конце концов, отнеслась к нему очень серьезно. А, может, это произошло потому, что у нее не было большого опыта общения с мужчинами. Марина поздно лишилась девственности, ей тогда уже исполнилось двадцать четыре года. Ал был у нее третьим.

Он намного старше Марины, лет на пятнадцать. Глубоко за сорок, а детей до сих пор нет. Не сложилось, но очень хочет их завести.

Они не предохранялись, когда стали жить в крошечной московской квартире Марины, оставшейся ей от бабушки. А потом Ал оставил ее...

Узнал о внематочной беременности Марины. Врачи сказали, что нужно делать операцию. Предупредили: она лишится ребенка, а потом, возможно, вообще не сможет иметь детей. Для

Ала это оказалось важнее, чем жизнь с Мариной. Он не стал ждать операции, сразу уехал из ее квартиры.

По-своему Ал оказался прав. Как в воду глядел. Операция прошла неудачно. После нее Марина узнала, что стала бесплодной.

Это произошло под Новый Год. За окнами одноместной больничной палаты грохочут разноцветные фейерверки, а у Марины – подушка, мокрая от слез. Она никогда не думала, что останется бездетной. Не могла даже представить такого.

Но это пришло, ударило. Выпило всю ее жизнерадостность.

«Зачем, для чего я живу?» Марина стала часто задавать себе этот вопрос.

После больницы она не вернулась на работу. Зачем теперь нужна эта работа? Зачем, вообще, все нужно?

Марине всего тридцать два года. Молодая, а желаний больше никаких нет. Ушли вместе со слезами в больничной палате.

Родителям легко удалось уговорить Марину сменить обстановку. Собственно, и уговаривать не пришлось, ей стало все безразлично после этого Нового Года.

Ничего не хочет, нигде не работает, сидит дома.

Потому препятствий сделать то, что задумал отец, и почти сразу поддержала мать, не было. А отец ее, Олег Альбертович, решил, что дочери нужно на время – на полгода, а, может, и на целый год – уехать из Москвы.

Благо есть куда ехать.

В Ригу. Там пустует квартира. Она принадлежит Петру – брату отца Марины. Вернули в девяностых годах по закону о реституции. Когда-то, до войны, квартирой владел их дед, Михаил Боровский.

Боровские – сами русские, в Латвии осели еще в девятнадцатом веке. Прадед Марины был человеком небедным. Имел не только квартиру в старом городе, но и пятиэтажный доходный дом на улице Тетрабас. За это в сороковых годах поплатился. Имущество отобрали, сам попал в лагерь. Там умер.

Теперь все имущество вернулось его внуку, дяде Марины.

Надо отдать должное – Петр Боровский проявил хорошую деловую хватку. Не испугался рисков, взял кредиты в нескольких банках. Отремонтировал, как следует, доходный дом. На верхних этажах, как в прежнее время, устроил квартиры. На первых двух – разместил бутики, часть из которых сдал арендаторам.

Через несколько лет расплатился с долгами. Теперь небедный человек по латвийским меркам.

Благодаря доходам от дома он смог привести в порядок квартиру в старом городе. Сдавать ее не стал. Не захотел пускать чужих в семейное гнездо. Сам тоже не стал здесь жить. Остался в своем коттедже в Юрмале. Там воздух чище и море он любит.

Думал поселить в квартире своего сына, Алексея. Но Алеше квартира оказалась ни к чему. Не рвется жить отдельно. Весь поглощен семейным бизнесом – правая рука у отца. Почти вся бухгалтерия на нем – педантичен и аккуратен.

Так что квартира Боровских до сегодняшнего майского дня пустовала. Сегодня в ней должна была поселиться Марина.

Петр Альбертович безоговорочно поддержал идею брата привезти дочь в Ригу. Он очень переживал за племянницу, когда на нее навалились несчастья, каждый день по нескольку раз звонил в Москву.

Узнав, что вопрос решен, Марина скоро приедет, он поспешил сделать в квартире еще один ремонт. На этот раз косметический.

К этой дважды отремонтированной квартире и шли в тумане по старому городу Марина и ее отец.

Они пересекли Домскую площадь, миновали Шведские ворота, прошли вдоль крепостной стены и старинных яковлевских казарм, в которых теперь разместились разнообразные магазины и рестораны. Отсюда было уже рукой подать до шестиэтажного кирпичного дома,

Дома, в котором Марине предстояло жить. Полгода, а может, и целый год. Впрочем, это, как и все другое, для нее в то утро не имело никакого значения.

На непонравившийся город она просто не обращала внимания. Не посмотрела, как следует, и на дом с небольшой статуей пса на крыше и традиционными для рижской архитектуры башенками.

Отец и дочь молча поднялись по пролетам широкой – как вместились такая в узком доме? – лестницы, и скоро уже стояли перед дверью семейной квартиры Боровских.

Дверь открыл Алексей, двоюродный брат Марины. Сам Петр не смог встретить брата и племянницу – в эти часы он проводил переговоры с возможным арендатором одного из своих бутиков. Обещал прийти позже.

Марина всего несколько раз видела своего кузена. Алеша с отцом приезжали в гости к московской родне. Прежде она обрадовалась бы ему, удивилась, как изменился за последние годы. Теперь ничего этого не было.

Она равнодушно глядела на встретившего их высокого блондина с длинным лицом, высоким лбом и тяжелым подбородком. Умные глаза Алексея не скрывали его круглые, в стиле ретро, очки.

Он сам только что пришел с улицы, поэтому даже не успел сбросить длинный плащ серого цвета.

Марина изредка вставляла вымученные, дежурные слова в разговор отца и Алексея. Потом, стараясь вежливо улыбаться, прошла вместе с ними по своей новой квартире. У нее не вызвали никаких эмоций уютные, обставленные дорогой современной мебелью комнаты. Не разделила она и восторг мужчин, показавших ей несколько вещей, оставшихся от прежних поколений Боровских. Их было совсем немного в квартире – деревянный, высокий буфет, несколько картин в широких, черного цвета рамках.

И еще большое старинное зеркало в коридоре. Овальное, вытянутое в длину. В массивной деревянной раме. Рама резная, в завитушках, не игривых, нет, каких-то тяжелых. Она вся тяжелая, но по-своему красива. Современные мастера, наверное, не смогли бы создать такую своеобразную красоту.

Марине пришлось долго пить чай вместе с Алексеем и отцом. Снова говорить вежливые слова. Потом она привела себя в порядок в комнате, где ей предстояло спать. Затем они втроем немного прогулялись по городу, пообедали. Потом было что-то еще.

Наконец, уже ближе к вечеру, появился ее дядя. Он – полный, веселый, совсем непохож на своего худощавого брата. Ольга, мама Марины, – она прекрасно знает родословную мужа, – часто шутит, что Олег пошел в стройных псковских дворян, а Петр – в толстых новгородских купцов.

Марина с радостью обняла дядю. Она даже удивилась, откуда взялась эта радость. Но быстро поняла, что радости никакой нет, просто она почувствовала облегчение. Появление дяди означало, что близится к концу день, на протяжении которого ей ни разу не удалось побыть одной. А именно этого Марине больше всего хотелось в последние месяцы.

До отъезда Олега Боровского из Риги оставалось еще более трех часов. Все это время ей снова пришлось хоть немного, но разговаривать. Иногда улыбаться.

Когда отец сел в поезд, печаль Марины стала еще сильнее. Она вдруг подумала – с ним, с мамой ей легче выдержать то, что сейчас на душе. А с этого дня они будут далеко от нее.

Но печаль быстро потеснила тревога: дядя и брат в один голос сказали, что проводят ее до дома. Больше того – обязательно зайдут к ней. Оба уверены, что вечер для Марины скучным не будет!

Нет, столько общаться с родственниками она просто не сможет...

Пришлось повести себя, может, немного грубо, но зато откровенно. Марина сказала дяде и кузену, что вечером хочет побыть одна. Больше того, она сама найдет дорогу домой.

Быстренько поцеловав озадаченных и слегка обиженных рижских родственников, она поспешила домой. Шла быстро. Почти бежала по вечерней, туманной Риге.

Одной лучше, спокойнее. Пусть даже в новом, непривычном месте.

«Наверное, хорошо, что я уехала из Москвы», – подумала она перед сном.

Конечно, родителей рядом нет. Но, возможно, это неплохо. Они почти не давали Марине побыть одной.

Глава 2

Марина могла встретить Андриса уже в свой первый день в Риге. Он продавал картины в старом городе возле кирхи святого Петра. Но отец повел ее другой дорогой, и они не увиделись.

Андрис уже много лет стоит со своими акварелями в этом месте. Здесь всегда много туристов.

Художник хорошо знаком тем из них, которые приезжают в Ригу не в первый раз. Они узнают его издалека.

Андрис – высокий, светловолосый. Выглядит намного моложе своих почти сорока лет. Немного сутулится. Глаза у него зеленые, как у Марины.

Он проводит день возле кирхи святого Петра, а вечером почти всегда, хоть ненадолго, заходит в костел святого Екаба. Он католик. А этот храм Андрису особенно дорог – часто бывал здесь в дни баррикад 91-го года, когда костел был открыт круглосуточно.

В храме Андрис иногда молится, иногда просто думает о своем. Ему здесь хорошо.

Наверное, древний костел помогает художнику, потому что в этом месте его меньше преследует страх.

Страх...

Это слово для Андриса наполнено особым смыслом. Почти 20 лет художник слышит его от врачей-психиатров.

Он заболел в январе 91-го, когда был на баррикадах. Ему тогда исполнилось 18 лет, учился на втором курсе университета, на факультете истории и философии. Как и многие рижане пошел на баррикады: люди ждали советских войск. Андрису не повезло, как мало кому. Менингит...

Как заболел? Бог весть. Может, когда вспотел у костра, – тот сильно горел, – а потом снял шапку. Может, по-другому болезнь настигла.

Андрису пришлось пропустить год учебы. Но это не самое плохое, что принесла болезнь.

Она дала осложнение: страх. Беспричинную боязнь, которую испытывает Андрис, когда на него смотрят люди.

Как поймает на себе чей-то взгляд, сразу накатывает...

Сильно колотится сердце, кажется, что оно хочет выпрыгнуть из груди. Что-то бьется в висках. Сильно, резко. Пересыхает во рту, будто целые сутки не пил воды. Кровь приливает к лицу, но Андрис не краснеет, лишь чувствует, как горят щеки. Дискомфорт жуткий. Но главное – страх, тревога...

Хочется уйти, убежать от чужого взгляда. Как можно скорее! Его охватывает страх. Страх иррациональный, сильный, он заставляет забыть обо всем. Андрис мгновенно потеет так, словно ему пришлось пробежать двести метров.

Болезнь родила у него другие страхи, но они быстро прошли. Лишь этот остался.

Он очень тяжелый. Неотступно преследует. Андрис не боится только взглядов родителей.

Лечится он начал сразу. Дважды подолгу лежал в больнице. Врачи не справились с болезнью, но все-таки смягчили ее. Не меньше помогло другое – сам взял себя в руки. Страх как был при нем, так и остался. Но Андрис научился превозмогать его. Не полностью, не всегда, но не попал под его власть.

Болезнь сказалась и на нервах – он стал очень чувствительным, на все остро реагирует.

Андрис смог закончить университет. На лекции почти не ходил – преподаватели вошли в его положение.

Но экзамены все равно надо было сдавать. Каждый становился для него испытанием. Всегда перед экзаменом Андрис хотел все бросить, но держался, приходил в аудиторию. Терпел

страх, отвечал на вопросы. Был, как выжатый лимон, когда уходил из университета. Майка была мокрой от пота. Голова раскалывалась от боли. Хорошо, что сессии бывают только два раза в год...

Андрис не смог работать по образованию, учителем истории. Каждый день приходилось часами выдерживать взгляды десятков детских глаз. Работа стала для него пыткой. Та работа, о которой столько мечтал...

Он возненавидел школу, даже дорогу к ней. Перестал спать, снова на два месяца попал в больницу. Потом уволился из школы, проработав в ней всего полгода.

Скоро он нашел себе другое занятие. Начал рисовать. Акварельная живопись стала жизнью Андриса. Его с детства тянуло к этому, но история влекла больше. Андрис хотел преподавать ее, делиться с детьми своей любовью к ней...

Уже много лет Андрис делится с людьми другим – своим восприятием мира. Оно – в его акварелях.

Почему акварели? Их мягкий стиль помогает расслабиться, снять напряжение. Напряжение, которое почти всегда с Андрисом из-за его страхов.

Они не мешают создавать картины. А вот продавать...

Здесь другое дело. Художник стоит в людном месте. Правда, покупатели, что выручает, смотрят, в основном, не на художника, а на его картины. На пейзажи, цветы, виды старой Риги.

Акварели охотно покупают. Так что денег Андриса и пенсий его родителей хватает на жизнь.

Художник ходит к святому Петру четыре раза в неделю. Три дня он работает дома. Четыре дня, которые проводит на людях, тяжелые. Он борется со страхами. А три домашних дня – отдых.

Общается он, в основном, с родителями. Кроме них, еще с несколькими друзьями – остались с университетских времен. Они знают о болезни художника, понимают, почему он нечасто видится с ними, предпочитает разговоры по телефону. При редких встречах они стараются не смотреть Андрису в глаза.

Женщин в его жизни было немного. Все романы были очень короткими.

Посмотрит подруга на Андриса, а ему страшно. Тут обо всем – о желании, о чувстве – забудешь. Какое-то время он терпит, а потом все обрывает. Когда больше нет сил чувствовать взгляд женщины. Пусть даже в этом взгляде – любовь.

Самый длинный и последний его роман продолжался два месяца. Они познакомились летом, она все время носила темные очки. На потом пришла близость, и Андрис начал часто видеть ее глаза...

Он рассказал ей о своей болезни.

– Я не смогу не смотреть на тебя, – сказала она.

Правда. Он все понимает.

Она была не первая, с кем у него произошел такой разговор.

С тех пор прошло без малого четыре года. У него больше никого не было.

Андрис уже привык так жить. Смирился с тем, что у него не будет ни жены, ни детей. Каждому на этом свете выпадает свое. Главное, думает он, не развились бы страхи еще больше, не сделали бы его инвалидом. Что тогда станет с его родителями, для которых он, единственный сын – свет в окошке?

Не было бы хуже, пусть все остается, как есть. Вот о чем Андрис просит Иезуса и Деву Марию, когда приходит к святому Екабу. Помолится, отдохнет душой, и – домой. Всегда идет пешком. На трамвае, конечно, быстрее. Но там много людей. Их взглядов...

И все-таки, несмотря на болезнь, несмотря на особый ход жизни, Андрис любит ее. Любит, потому, что в ней есть его родители, есть его творчество, есть место возле кирхи святого Петра, где он стоит со своими картинами, есть люди, которым они нравятся.

Он любит жизнь, потому что в ней есть Латвия. Андрис больше, чем многие его друзья – латыши, любит свою страну. Любит ступать по мостовым старой Риги, любит идти по песку взморья. Каждый миг художник ощущает, что он у себя дома.

Любовь к Родине в нем очень сильна. Поэтому когда-то пошел на баррикады. Оставался там, даже когда его начала колотить сильная простуда.

Наверное, обостренная любовь Андриса к Родине объясняется его биографией.

Он не хуже русских разговаривает на их языке. Без акцента, хотя – чистокровный латыш. Дело в том, что он вырос в России. Семьи родителей художника – Велты и Раймондса – депортировали в Сибирь в 49-м году.

Мать и отец Андриса встретились в Омске. Там поженились, там родился Андрис. Семья вернулась в Латвию лишь в 80-х годах. Раньше хотели, да все не складывалось.

Он помнит день, когда они втроем приехали в Ригу. Помнит, как были счастливы родители, он, глядя на них, тоже.

До сих пор родители Андриса не могут насмотреться на свою страну. Надо видеть, как они гуляют по Риге, или по берегу моря. Счастье в глазах! На такие прогулки они надевают все самое лучшее. Отец – выходной костюм, мама – обязательно набросит на шею красивый шарфик, и модная шляпка на ней.

Почти каждое воскресенье они втроем выходят на прогулку. Время и маршрут выбирают так, чтобы встретить меньше людей. Ведь болезнь всегда с Андрисом. Правда, когда он с родителями, боязнь чужого взгляда проявляется не так сильно, но все равно...

Если они решают побыть в старом городе, то отправляются на прогулку рано утром. Если едут на море, стараются выбрать почти безлюдное место.

Идут втроем, разговаривают, смотрят на Латвию. Эти прогулки – настоящий праздник для родителей Андриса и для него. Им хорошо вместе. У них общие чувства.

Андрису никогда не скучно с родителями. Велта и Раймондс для художника не только мама и отец. Они – его друзья.

Дар художника у него от отца. Когда-то в Омске, и здесь, в Риге, у Раймондса были даже персональные выставки. Сейчас он, правда, не пишет картины. Говорит, что уже создал все, что мог создать.

Только он давал сыну уроки акварельной живописи. У них похож стиль письма. Да и внешне Андрис больше в отца – тоже высокий, худой. Такой же блондин, такой же нос слегка уточкой.

На маму художник внешне совсем не похож. Она темноволосая, полненькая. Но характером обычно мягким, но когда надо твердым – в нее. А главное – очень близок с ней, сколько себя помнит.

Велта не человек искусства, как Раймондс. Всю жизнь она работала в аптеке. Но все-таки она, а не отец, самый близкий друг сына.

Когда Андрис лежал в больнице, мама приходила к нему два, а то и три раза в день. Она всегда провожала сына в университет на экзамены.

Отец оставался дома, писал картины. А Велта отпрашивалась с работы, шла с Андрисом в университет.

Глава 3

Марина стала жить затворницей. С дядей и кузеном общалась только по телефону. Они хотели часто видеться с ней. Думали подбодрить, развеселить, помочь выйти из нынешнего состояния.

– Мне будет лучше одной, – сказала Марина дяде Пете, когда он и Алексей неожиданно пришли в гости.

Он как раз только что рассказал какой-то веселый анекдот.

Услышав Марину, Петр Альбертович лишь грустно вздохнул. Больше этим вечером он не пытался шутить.

С тех пор родственники не приходят в гости к Марине – они приняли ее решение. Правда, дядя Петя часто звонит ей – волнуется, как живет.

Так что общение с миром людей для Марины свелось к редким телефонным разговорам с родителями, более частым – с дядей и Алексеем.

Она почти всегда дома. Очень много смотрит телевизор.

Наугад включает каналы. Ей все равно, на каком языке, латышском, или русском, идет передача. Отвлекает картинка немного, и хорошо. Читать она тоже пытается, берет с полки первую попавшуюся книгу.

Хочет отогнать свою боль.

Из окон Марина видит длинный зеленый шпиль святого Екаба, шпили других церквей, черепичные крыши разноцветных домиков. Город будто зовет ее в себя. «Погуляй по мне, познакомься со мной, я стану твоим другом!», – говорит ей.

Но Марина не хочет знать этот город. Она погружена в другое.

Выходит из квартиры изредка и, в основном, вечерами. Потому только, что иногда надо гулять. Сама понимает, и отец с мамой настаивают на этом. Ей нравится, когда идет дождь, или город в тумане. На улицах немного людей. Марина не хочет никого видеть.

Особенно она любит туман. Почти никого тогда не встречает. Люди предпочитают сидеть дома. А туман этим летом очень часто приходит в Ригу. Дядя Марины удивляется, говорит, что такого никогда не было. А Латвийский центр окружающей среды и метеорологии снова и снова обещает туман...

В старом городе многие дома выкрашены в яркие цвета, или в пастельную гамму. А когда непогода, особенно, если она наступает вечером, краски кажутся более тусклыми. Фонари, все современное освещение бессильны перед дождливыми, с сырым ветром или туманом сумерками.

Такие часы будто стирают грим с облика Риги. Проступает ее настоящая, изначальная суть.

Пропадает игрушечное начало. Старый город выглядит суровым, но он настоящий защитник того, кто живет в нем. Здесь Марина чувствует себя намного лучше, чем на широких проспектах, которые открыты для всех ветров. А ткань старого города – его извилистые улочки, прижавшиеся друг к другу дома – всегда побеждает ветер.

Марина ощущает себя защищенной в сердце Риги. Жаль, что только от непогоды. От того, что в душе, город ее не спасает.

Прогулки у нее недолгие. Ведь они не дают облегчения.

Она не хочет почувствовать город, в котором живет. А он уже проникает в Марину. Каждая прогулка, каждый шаг в городе сближают ее с ним. Правда, пока она этого не осознает.

Ни с кем в Риге не познакомилась. Никого не узнала. Никто ее не заметил...

Но это только Марина так думает.

...Он не случайно обратил внимание на Марину. Друг, который часто видит молодую женщину, много рассказывал о ней.

После этого он сам пригляделся к этой худенькой женщине. Верно говорил друг, она ведет себя необычно. На витрины модных магазинов, – их так много в центре, – совсем не смотрит. Избегает людей. Лицо очень грустное.

С тех пор он наблюдает за ней. Изучает.

Сначала смотрел на нее с участием и... профессиональным интересом.

Потом вдруг понял, пришло что-то еще. Ему очень нравится глядеть на Марину!

Удивлен. Не помнит, чтобы такое случилось с ним...

Он много наблюдает за людьми, диагностирует их. Изучение психики людей, ее анализ – вечная страсть Иоганна Рихтера. Он сопереживает людям, но настоящую привязанность испытывает только к двум живым существам.

К Айне, и к... каменному Псу на крыше дома, в одной из квартир которого поселилась Марина. От Пса он и узнал о ней.

Да, этот Пес – живой для Иоганна Рихтера. Может быть, даже более живой, чем он сам – призрак, живущий уже более четырехсот пятидесяти лет в старой Риге.

Айна... Она такая же, как Иоганн Рихтер. Тоже призрак. При жизни они были вместе. Не муж и жена, просто любовники.

Не расстались и в призрачной жизни. Он привязан к Айне. Ценит ее за любовь и за верность.

Наверное, чуть больше, чем Пса, в котором просто души не чает.

Марина не позволяет новому для нее городу войти в себя. Никто и ничто не отвлекает ее от грустных мыслей.

Ей становится хуже. Она все больше и больше думает о своем несчастье.

А на улицах, хотя она и старается выйти на них, когда почти пустынные, все равно видит людей. Видит, бывает, и счастливые женские лица. Это то, на что она не может не обратить внимание!

Сразу чувствует контраст с собой. Этот контраст ранит, делает боль более пронзительной.

«У этих женщин наверняка есть дети. У них есть будущее», – вот о чем она думает.

А она? Какое будущее у нее? Нет его. Безысходность...

Она подолгу стоит у окна, смотрит на город. Он часто окутан туманом...

Подумать только, можно сделать шаг вперед. Один шаг. Он навсегда избавит от невыносимой тяжести, от которой болит душа.

Этот шаг станет выходом...

Но в ней тут же восстают жизненный инстинкт, воспитание, религиозное чувство.

Нет, нет! Нельзя, ни в коем случае нельзя идти на это.

Марина отходит от окна.

Но затем ее снова посещает мысль о шаге в пустоту. Это происходит все чаще. Может, ее спасение в этом шаге, надо просто решиться?

Ведь после этого в Марине больше не будет никакой боли. Боль уйдет навсегда. Но... не только она, все остальное тоже. Марина сама уйдет.

«А что еще, кроме боли во мне сейчас есть?», – думает она.

«Есть, и многое. И будет еще много всего. Можно жить многим, кроме детей», – убеждает она себя.

Вроде, получается.

Она старается чем-то занять себя. Но потом...

Потом она снова подходит к окну, снова стоит возле него.

Шпили кирх, костелов устремлены к небу. А ее тянет в пропасть. Хочется броситься на мостовую...

«Ничего, ничего хорошего в жизни не будет. Зачем она мне нужна?», – лишь эта мысль у нее.

Но Марина берет себя в руки. Начинает смотреть телевизор. Видит какую-то картинку, слышит какие-то слова.

Глава 4

Однажды Марина изменила своему правилу. Днем, а не вечером вышла на улицу. Пришлось – холодильник был совсем пустой.

В супермаркете она была выбита из своего неустойчивого равновесия. Увидела это семейство...

Женщину с четырьмя детьми. Все мальчики, мал мала меньше. Их мама – она чем-то внешне похожа на Марину – уже, наверное, пожалела, что взяла потомство в магазин.

Пойди, уследи за всеми!

То один отбежит в сторону, то двое сразу, то все в миг разбегаются. А еще каждый берет на полках то, что ему понравилось, кладет в мамину тележку. Мама – не очень молодая, маленького роста – кричит на них:

– Юрис, положи это на место!

– Янис, немедленно вернись!

– А ты, Карлис, ты куда спрятался? Где ты?

Мама сердится, раздражена. Но все равно, с какой любовью она смотрит на своих мальчишек!

А как они понравились Марине...

Светловолосые, лишь один рыжий, а глаза у всех голубые. Она просто застыла, затаив дыхание, смотрела на эту семью.

Марина... Она всегда хотела много детей. Не раз говорила об этом с Алом.

Любуется маленькими латышами, а в душе отчаяние. Оно растет, как волна на ветру. Поднимается девятым валом, захлестывает, поглощает Марину.

«Никогда, никогда у меня не будет таких детей», – не замечая этого, вслух повторяет она.

Люди, которые проходят рядом, слышит слова Марины, оборачиваются. С удивлением смотрят на нее. Она не видит их.

Марина не взяла сдачу на кассе. Не помня себя, вышла из магазина.

Купила много продуктов, на плече тяжелая сумка, но Марина не чувствует ее вес. Она плачет.

Домой не пошла. Ей стало все равно, куда идти. На душе тяжесть отчаяния, которая никуда не уходит. Слезы не могут ее растопить.

Так и шла в слезах и отчаянии. Потом, вдруг, сразу почувствовала, что устала. Шла, наверное, быстро. Еще и сумку тащила.

Остановилась. Уже не плачет. Слезы закончились.

Огляделась...

Она стоит на пологом пригорке, неподалеку – улицы города. Совсем незнакомые. Это уже не центр, который Марина немного знает. Ближе к окраине.

Рядом две старинные водонапорные башни. Высокие, массивные. Похожи на крепостные. Окна у них, будто бойницы.

Возле башен несколько осин. Под ногами – редкая трава на белесой песчаной земле.

Громады башен едва видны в густом тумане. Он сегодня особенно сильный.

Очень тихо. Город вокруг, а тихо, будто все вымерло. Одна Марина осталась живой. Она и эти старинные, построенные из кирпича башни.

«В жизни больше не будет хорошего...»

«В другом мире спокойно, туда надо уйти...»

Навалилось. Все мысли об этом. В разных вариациях. А суть одна. Эта суть поглощает Марину.

Она выкурила одну за другой несколько сигарет.

«Сделай это сегодня, выпрыгни из окна...»

«Не откладывай, давно пора решиться...»

Только эти мысли в голове...

Да.

Так она и поступит. Весь сегодняшний день вел ее к этому.

Марина не знает, сколько времени она стояла возле башен. Наверное, долго, потому что солнце уже садится.

Теперь она пойдет домой. Решение принято. Это единственный выход. У нее не будет жизни, о которой мечтала, а существовать Марина не собирается.

Возле башен все встало на свои места.

«Это надо сделать сегодня», – говорит она себе.

Мысли, пришедшие возле башен. Мысли настойчивые, сильные...

Марина думает, что это были ее собственные мысли.

Нет. С ней говорили Анна и Жанна. Почувствовали ее настрой, заглянули в душу, многое увидели. Своими чарами, злым колдовством подтолкнули молодую женщину к пропасти.

Анна и Жанна...

Жанна и Анна...

Уже несколько поколений рижан называют так эти две башни. Неподалеку от пригорка, на котором они стоят, есть еще один. Он немного выше. Его когда-то называли Горой Виселиц. Там с древних времен казнили женщин, которых считали ведьмами. На этой Горе, как говорит легенда, когда-то повесили знахарку Анну. А ее сестра, Жанна, сошла с ума, пришла сюда и покончила с собой.

Многие люди слышали ночами женские голоса возле двух башен. Связали их с легендой о Жанне и Анне. Рижане постарше уверены, что здесь живут их призраки. Поэтому так и зовут башни – Анна и Жанна.

Призраки в башнях действительно есть. Два призрака, двух женщин, тоже сестер. Только это не те Анна и Жанна, о которых была сложена легенда. Души тех двух невинных сестер упокоились с миром.

Теперь так называют себя призраки двух настоящих ведьм. Их убили на Горе Виселиц очень давно. Епископ Альберт тогда еще не основал Ригу.

Эти две ведьмы были красавицами, но души у них были черные. Их убивали женщины. Не один мужчина не смог поднять на них руку. Красивые тела ведьм истлели многие сотни лет тому назад. А души продолжают жить.

Эти призраки много лет слышали имена «Анна» и «Жанна». Они привыкли к ним. Со временем стали так себя называть.

Их зловещая аура вошла во всё вокруг башен. В землю, в воздух, в сами башни.

Здесь растут только осины, почти нет травы. Сюда не любят приходить рабочие. Говорят, что в этом месте в голову лезут дурные мысли.

Анна и Жанна древние. За прошедшие века они утратили часть силы, даже не могут далеко уйти от своих башен. Но это холодное туманное лето счастливое для сестер-призраков.

Туманы! Они всегда увеличивали мощь этих ведьм, и сейчас это произошло.

В другое время сестры, возможно, не смогли бы повлиять на Марину. А сегодня подтолкнули ее к смерти.

Сейчас Анна и Жанна пребывают в злой радости. Ждут, когда кто-нибудь еще появится возле башен. Не обязательно подведут его к самоубийству. У разных людей – разные мысли. Но те, которые ведут к плохому, Анна и Жанна сразу почувствуют. Тотчас возьмутся за дело. Нашепчут, наговорят свое, усилят эти мысли.

Две ведьмы, как и при жизни, продолжают нести зло. Им помогает туманный июнь.

Марина спокойна. Она знает, что делать. Быстро идет по вечерней Риге. Не замечает красок заката, вечерней красоты зданий, листвы деревьев, трепещущих от ворвавшегося в город ветра. Все это для нее уже не имеет значения.

Был поздний вечер, когда она вернулась домой.

В Марине не было никаких чувств, когда она шла по городу. Одна решимость сделать задуманное. Но едва открыла дверь в квартиру, как пришел страх. Нет, она не передумала, но страх возник.

Сильный, сжимающий сердце. Инстинкт жизни восстал против задуманного.

Марина остановилась в двух метрах от окна. Она не могла идти дальше. Была не в силах преодолеть барьер.

«Нет, я не отступлю», – подумала.

Пошла на кухню. Там была почти полная бутылка водки. Осталась с последнего визита дяди Пети и Алексея.

Выпила несколько рюмок водки. Весь рот обожгла. От этого даже сердито фыркнула. Потом здесь же, на кухне, села на стул.

Ждала, когда водка поможет разрушить барьер, созданный страхом. Барьер на пути к свободе от жизни. Нет, не жизни – она закончилась в больнице – существования.

Так и случилось. Барьер рассыпался. Скоро Марина почувствовала, что сможет сделать свой самый главный и последний шаг в жизни.

Нет! Чуть позже...

Сначала – в душ. Марина знает – она должна быть чистой, когда выпрыгнет из окна. Из этого мира надо обязательно уйти чистой...

Она долго стояла под душем. Хотелось побыть под теплыми струями воды. Устала, а еще размякла от водки...

«Хватит медлить, поддаваться чувствам», – твердо сказала себе.

Вышла из душа. Теперь надо одеться, затем – к окну.

Марина прошла мимо старинного зеркала в массивной раме. Зачем-то взглянула в него. Может, проститься с собой?

Всегда была симпатичная...

Может, и сейчас кто-нибудь так про нее скажет.

Была жизнерадостной, с огоньком в глазах...

Этого нет. Это ушло.

Раньше, когда смотрела в зеркало, всегда думала о будущей жизни. О семье, детях, которых непременно родит...

– Ничего, ничего больше не будет, – сказала Марина своей зеркальной двойнице, – Не хочу видеть тебя. Смотреть противно. И груди, груди у меня маленькие!

Да, груди маленькие... Они никогда не будут кормить ребенка. От этой мысли ее решимость становится сильнее.

Она стремительно идет в спальню. Берет рубашку, джинсы.

Марина успела надеть только джинсы...

Иоганн Рихтер не только смотрит на людей из своего призрачного мира. Он часто помогает им.

Марина...

Призрак видел, как она была напряжена, когда стояла возле окна. Догадался, о чем думала. Это было не очень трудно – за свои века он наблюдал за многими людьми.

Но сразу нельзя что-либо предпринимать. Надо было лучше понять Марину, побольше посмотреть на нее.

Потому он не появлялся перед ней. Сегодня, когда увидел, с каким выражением лица возвращалась домой, почувствовал – необходимо вмешаться. Иначе будет поздно.

С того момента, как она вошла в квартиру, Иоганн Рихтер не спускал с нее глаз. Он появился в зеркале, когда Марина начала одеваться.

Глава 5

– Симпатичная вы! А груди, кстати, совсем не маленькие. Отнюдь. В самый раз. Мне очень нравятся.

Марина как раз взяла в руки рубашку, когда все это услышала.

Голос...

Мужской голос!

Голос низкий, приятный. Об этом она, правда, потом подумала. Тогда же вздрогнула, испугалась.

Сама на мгновение удивилась этому – хочет броситься вниз, но боится, что кто-то проник в квартиру.

Обернулась. Никого не видит. Где же этот человек?

– Да здесь я, Fräulein, здесь, извините, за вторжение, – слышит она.

Кажется, обладатель голоса находится в той стороне, где висит старинное зеркало. Но возле него никого нет. А в самом зеркале...

Марина смотрит в него, не верит своим глазам. Господи, что происходит!

В зеркале не только она, но и еще какой-то мужчина.

Этого господина видно во весь рост – размеры зеркала позволяют. Невысокий, его глаза чуть выше ее глаз. Сам худой, и лицо очень худое. Глаза зеленые, как у нее. Рот большой.

На этом человеке фиолетово-синяя круглая бархатная шапочка, длинный черный камзол, украшенный яркими зелеными лентами, черные короткие панталоны, серые ботинки с огромными также черными пряжками.

Марина в шоке. Неужели, она выпила так много водки, что видит незнамо что? А, может, сошла с ума от потрясений?

– Вы в полном здравии, не сошли с ума, – незнакомец будто прочитал ее мысли, – дело во мне. Я необычный. Призрак.

– Призрак?

Она только и смогла повторить это слово. Вложила в него все свое неверие в подобную чертовщину.

О самоубийстве в эти минуты она не думала. От удивления, шока забыла обо всем на свете.

– Да, Fräulein, я – призрак, – слегка наклонил голову господин в зеркале. – Кстати, разрешите представиться. Иоганн Рихтер.

Марина по-прежнему потрясена, замерла, стоит, как есть, раздетая по пояс. Вдруг она ловит взгляд незнакомца. Подумать только – он смотрит на ее обнаженную грудь!

Нет, она не сошла с ума – безумцев в роду Марины не было. Все бывает на этом свете. Кто-то, наверное, в самом деле, призрак возник в зеркале, разговаривает с ней. Одно ясно уже сейчас – этот кто-то настоящий нахал!

– Отвернитесь, – приказала Марина.

– Извольте, – он тут же послушался.

Она быстро накинула на себя рубашку.

Пока застегивала пуговицы, думала об одном. Этот призрак точно не мог выбрать худшего дня, чтобы здесь появиться. Она должна расстаться с жизнью. Уже непременно сделала бы это, если бы он, черт его побери, не возник в зеркале...

Можно, конечно, не обращать внимания на господина в комичной шапочке. Но как-то не очень хочется выбрасываться из окна, когда кто-нибудь за тобой наблюдает. Пусть даже этот кто-нибудь – призрак.

– Можно? – Марина опять услышала его голос.

– Что значит «можно»? – не поняла она.

– Вы уже оделись, Fräulein?

Ах да, конечно. Она снова посмотрела в зеркало. Так и стоит, отвернувшись. Деликатен. Но это сейчас так себя ведет. А сначала пялился на нее.

– Да, я оделась, – сухо сказала Марина.

Что ж, раз этот призрак здесь появился, что ей остается делать? Надо заставить его исчезнуть, а потом осуществить задуманное.

Она не станет бояться, попробует с ним поговорить. Судя по речи, одежде, этот Иоганн Рихтер все-таки воспитанный человек, хоть и бесцеремонно глазел на нее, когда была без рубашки.

Человек...

Человек?!

Да, какой же он человек, если призрак... Бог с ним, пусть в любом случае сгинет отсюда:

– Уйдите из зеркала, я вас не приглашала.

– Вот уж нет. Этого не будет, – отрицательно покачал головой Иоганн Рихтер.

– Я не звала вас. Оставьте мой дом.

– Оставить для того, чтобы вы сделали самую большую и самую неисправимую глупость в своей жизни? Нет.

– Откуда вы знаете, что я хочу сделать? – Марина чуть не кричит на него.

– Знаю. Покончить с собой. Верно?

Она не достаивает его ответом. Даже не смотрит в его сторону.

Но он... вышел из зеркала. Марина почему-то сразу это почувствовала. Ей стало немного страшно. Одно дело, когда торчал в зеркале, другое – оказался в самой квартире, в ее доме.

Иоганн Рихтер сделал несколько шагов вперед. Теперь он в спальне, недалеко от Марины. Она обернулась.

Внешне выглядит как самый обыкновенный человек. Только в старинной одежде. Совсем не прозрачный. Если бы раньше не был в зеркале, ни за что не подумала бы, что перед ней призрак.

Прикоснуться бы к нему, узнать, какой он на ощупь. Марина всегда была любопытной. Даже сейчас это качество не умерло в ней. Быстро подошла к нему, хотела положить на плечо руку.

Она ничего не почувствовала. Рука прошла через призрака, как сквозь воздух. Марина невольно вздрогнула.

– Извините, что испугал. Как видите, я не обманул вас, Fräulein.

Конечно, не обманул, Марина уже сама это поняла.

И она не испугана. Она зла! Зачем он вторгся в квартиру?

Неважно, откуда он знает о ее планах. Он не должен мешать:

– Не вмешивайтесь не в свое дело. Уйдите, прошу вас, – слова вежливы, но в голосе металл.

– Не подумаю.

Иоганн Рихтер прошел мимо Марины, направляясь к окну, из которого она собиралась броситься вниз. Это самое большое окно в квартире.

Марина идет следом за призраком. А он остановился возле окна, смотрит на город:

– Я не знаю, зачем вы решились на такое, но это сущее безумие. Нет причины, которая могла бы заставить человека добровольно отказаться от этой жизни. В мире слишком много прекрасного.

– У меня уже ничего прекрасного не будет. Не может быть, – Марина опустила голову, сердито смотрит на призрака.

– Может, и обязательно будет. У вас красивые глаза, они еще увидят много хорошего! – неожиданно улыбнулся он.

Делает комплименты. . .

А сам всего несколько минут тому назад подглядывал за ней. Нахал! И еще раз нахал!

Хотя, надо сказать, отметила она про себя, нахал симпатичный, несмотря на свой архаичный костюм, смешную шапочку. У него не совсем правильные черты лица, но улыбка хорошая.

Даже сейчас, в своем нынешнем состоянии, Марина это заметила. Впрочем, она тут же одернула себя: ей нет дела до того, как он выглядит!

Ей нет дела ни до чего, кроме задуманного. Почти. . .

– И не только глаза, – продолжил он.

– Я знаю, о чем вы говорите, – сердито сказала она.

Вспомнила его самую первую реплику. Про грудь.

Кстати, неизвестно, сколько он подглядывал за ней. Наверное, и полностью обнаженной видел.

Странно, но эта мысль не вызвала в Марине большого возмущения. Сначала была страшно зла на него, а теперь злость почти прошла.

Иоганн Рихтер понял ее слова, пожал плечами, снова улыбнулся.

Марина увидела в глазах сочувствие и. . . что-то еще. Такое, что самой захотелось улыбнуться, забыть обо всем плохом.

Но для нее это невозможно. Она на сто, нет, на девяносто девять процентов уверена в этом. Один процент куда-то ушел. Растаял от улыбки, от слов призрака.

– Извините, что застал вас в таком виде, – Иоганн Рихтер снова поклонился Марине. – К сожалению, откладывая свое появление я не мог.

Он хорошо смотрится, отметила она. В движениях – мягкая сила, элегантность.

Хотя, какое ей до него дело. Впрочем, какое-то есть – он стоит между ней и окном. Пусть призрачная, но все же преграда.

– Скажите, что с вами случилось. Почему вы хотите покончить с собой? – вдруг спросил он.

В каждом слове она почувствовала искреннюю заинтересованность. Откуда это? Какое этому призрачному Иоганну Рихтеру до нее дело?

– Зачем вам нужно это знать?

– Просто не хочу, чтобы вы выпрыгнули из окна. Я давно наблюдаю за вами, Марина. Вижу, что у вас не хорошо в этой жизни, – признался Иоганн Рихтер.

Ничего себе! Давно следит за ней, даже, оказывается, знает, как зовут! Марина возмутилась. Но тут же погасила в себе это чувство. Наверное, у призраков свои представления о том, что хорошо, и что плохо.

Что, в конце концов, изменится от того, что она расскажет ему о себе, о своей боли?

Скоро Иоганн Рихтер узнал о ее теперь уже потухшей любви к Алу, о внематочной беременности и о бесплодии.

Он ни разу не прервал Марину. Просто слушал ее.

Но Марина видела, он не просто слушает, но и слышит. Слышит каждое слово. И не спускает с нее взгляд. Это согревает, хотя он призрак. . .

– Понимаю, вам тяжело, – сказал Иоганн Рихтер, когда она закончила говорить, – Тяжело, очень тяжело, но с этим можно и нужно жить. Постарайтесь отодвинуть от себя все, что произошло.

– Не могу, – Марина уверена, что это невозможно.

Она думает о своей беде. Ей больно.

– Сейчас не можете, но потом обязательно сможете. Пока же просто смотрите вокруг себя. Увидьте снова краски мира, это может вам помочь, вылечить вас. Мир не стоит того,

чтобы его забывать. И город, который вокруг вас, смотрите на него. Я почти пятьсот лет люблюсь им.

– Предлагаете отвлечься? – невесело улыбнулась она.

– Да, – решительно сказал Иоганн Рихтер, – Именно так. Скоро вы поймете, что можете и должны жить. В жизни снова будет счастье. Да, у вас не будет детей, но вы обязательно снова полюбите. А жить стоит уже ради одной любви. Поверьте, я видел много людей, для которых любовь – смысл жизни.

– Но детей все равно не будет.

Марина продолжает думать об этом. Еще не осознает, что ее отчаяние становится меньше.

– Не будет. Но женщина создана не только ради детей. Для любви тоже. И для того, чтобы дарить счастье. У вас все это будет, это все еще впереди, поверьте, Марина.

Господи... Какое-то наваждение...

Марина ловит себя на том, что ей хочется, очень хочется поверить ему, этому призраку...

Да она даже и забывает порой, что он призрак. Видит перед собой человека – внимательного, вдумчивого, доброго.

Человека, вставшего между ней и окном.

И еще она чувствует растущую усталость. Хочется спать. Отпускает напряжение, в котором была почти весь этот день.

Желание свести счеты с жизнью куда-то уходит. Может, правда, прав он, прав Иоганн Рихтер, ей рановато прощаться с этим миром?

Да, во всяком случае сегодня Марина не станет этого делать. Возьмет паузу. Посмотрит в себя. И вокруг себя обязательно...

– Я подумаю над вашими словами, – сказала Марина.

Иоганн Рихтер внимательно поглядел на нее. Кивнул темными ресницами своих зеленых глаз.

– Скажи, почему ты решила на это сегодня? – вдруг спросил он.

Перешел на «ты». Марина сразу это приняла. Ведь у них доверительный разговор:

– Не знаю, наверное, давно к этому шла.

– Я видел.

– Конечно, ты же следил за мной.

– Наблюдал, а это совсем другое.

– Я знаю, – улыбнулась она.

И тут же снова встретила его улыбку. Теперь Марина, как следует, рассмотрела ее. Ей очень нравится улыбка этого призрака!

– Так что же произошло сегодня?

Марина рассказала ему о том, как встретила похожую на нее женщину с четырьмя детьми. И о том, как стояла возле старых водонапорных башен...

– Все понимаю, – задумчиво сказал Иоганн Рихтер. – Анна и Жанна...

...Он хорошо знает этих двух призраков. Марина не первая, кого они подвели к самоубийству. Он и прежде спасал таких людей. Жаль, что не может положить этому конец. Не может ничего сделать с Анной и Жанной.

Почему? Ответ на этот вопрос известен лишь ему. Тайна, которую никто никогда не узнает.

Иоганн Рихтер всегда обходит стороной кирпичные башни...

– Какие еще Анна и Жанна? – удивленно спросила Марина.

– Это давняя и длинная история. Никогда не подходи к этим башням. Но довольно, не нужно сегодня говорить об этом, – мягко сказал призрак, – тебе сейчас надо отдохнуть.

– Наверное, – у Марины просто слипаются глаза.

Она ничего не может сделать с собой. Безумно хочется спать...

Но один вопрос все равно вертится в голове. Марина уверена, что знает ответ на него, но все равно очень хочется его задать:

– Зачем ты сегодня пришел в эту квартиру, Иоганн Рихтер?

– К тебе пришел. Удержать тебя от шага в окно.

– Думаю, тебе это удалось. Не знаю, почему только.

Марина развалилась в кресле. Можно сказать, полулежит, так ее тянет ко сну.

Но в ней сейчас не только это желание. Ей интересен собеседник. Она хочет разговаривать с ним, гонит от себя сон.

– Скажи, кто ты, Иоганн Рихтер?

Он не сразу ответил. Сначала посмотрел в сторону окна. Оно было слегка открыто, оттого в комнате стало свежо.

Марине холодно, но она пока это не замечает, хотя слегка ежится.

Окно закрылось, когда призрак глядел на него, и ручка в нем повернулась так, чтобы оно ночью снова не распахнулось.

Марина это заметила и восприняла, как должное. Она сейчас не с обычным человеком, а с призраком.

– Кто я? Призрак, вот и все, – Иоганн Рихтер пожал плечами. – Тень. Ничего более.

Он нервно, невесело улыбнулся. Подошел к зеркалу, вошел в него. И... исчез.

– Adieu (до свидания – фр.)! – услышала Марина его голос.

Она вскочила с кресла, подбежала к зеркалу. В нем отражалась только современная обстановка квартиры. И, конечно, сама Марина.

Она безумно хотела спать. Думала даже лечь на небольшой диван в прихожей, но заставила себя дойти до кровати.

...Марина заснула полностью раздетой. Всегда любила чувствовать себя ночью свободной от всего. Лишь в последние месяцы она стала надевать сорочку...

Иоганн Рихтер вздохнул с облегчением. Он вовремя появился в этой квартире, вовремя заговорил с Мариной. Помог ей отойти от края пропасти.

Анна и Жанна подвели к ней молодую женщину. Опять они. Набрали силу в густом холодном тумане...

Его мысли снова и снова возвращаются к Марине. Интересно, но гипноз, которым призрак отлично владеет, применять не пришлось. Он просто разговаривал с ней.

Почувствовал ее.

Кажется, даже слишком хорошо. И раньше приятно было смотреть на нее, наблюдать за каждым ее шагом, а сегодня...

Сегодня он с трудом заставил себя уйти. Потому лишь, что знал – ей надо было отдохнуть, выспаться. Иначе, наверное, до сих пор говорил бы с ней.

Бред какой-то. У него никогда ни к кому не было такой тяги. Даже к Айне.

Кстати, она, наверное, уже в Фундаментальной библиотеке Академии наук Латвии. Ждет его. Он часто там бывает. Исследователь, даже став призраком, остается собой.

Иоганн Рихтер направляется в библиотеку. Идет по узким улицам старого города. Некоторые из них почти не изменились за столетия. С годами это его все больше и больше радует.

По пути в библиотеку он принимает одно-единственное решение. Продолжит наблюдать за Мариной. И обязательно, как минимум, раз проведает ее. Просто для того, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Только для этого, Иоганн Рихтер подчеркивает это про себя. Другой цели, констатирует он, нет и не может быть. Во-первых, он даже при жизни почти не ухаживал за женщинами. Во-вторых, – и это главное, – он – призрак, а Марина – живой человек.

Живая...

Между ними ничего быть не может.

Эта ночь не стала тяжелой для Марины. Такой, какими были почти все ночи в последние месяцы, когда она просто мучалась. Просыпалась по несколько раз, курила, потом долго не могла заснуть, продолжая думать о своей беде.

Сегодня спала, как сурок. Очень уставший, немного пьяный сурок, обалдевший к тому же от встречи с призраком. Призраком, улыбка которого так понравилась...

Спала спокойно, без снов, а едва проснулась, сразу вспомнила минувший день. Сколько всего произошло!

Решила покончить с собой, а потом...

Потом появился Иоганн Рихтер. Сегодня эта встреча кажется сном, настолько все было необычно.

«Так не бывает в жизни, тебе все пригрезилось!» – говорит разум Марины.

«Нет, он был, точно был здесь», – отвечает ее душа.

Марина, как всегда, слушает больше душу, чем разум. Хотя все равно трудно до конца поверить в реальность вчерашней встречи. Может, правда, выпила слишком много? Марина почти не пьет, вчерашние несколько рюмок для нее хорошая доза, вот после них и приснилось не пойми что. Возможно, и так, конечно, но в это Марина не верит.

И о самоубийстве она не думает. Правда, к окну подошла почти сразу, после того, как встала. Но только затем, чтобы покурить возле него. У нее больше не было желания сделать шаг в пустоту. Оно ушло после вчерашнего дня.

Горе, печаль Марины по-прежнему с ней. Но от края пропасти она отошла. Теперь самой страшно подумать о том, что могла сделать с собой.

Следующие дни она жила почти, как прежде. Как и раньше, изредка разговаривала по телефону с родителями и с дядей. На улицу выходила лишь вечерами.

Но уже старалась видеть то, что вокруг. Она хорошо запомнила слова Иоганна Рихтера.

«Просто смотрите вокруг себя», – сказал он.

Она приняла это, теперь живет не только своим горем, но и снова начинает глядеть на мир. На Ригу, на этот таинственный и красивый город. У Марины на душе сумерки, она видит их отзвуки в зданиях города, в их тенях, в тучах, даже в тумане. Находит созвучие настроения своей души с окружающим миром. И этот мир будто берет на себя часть ее грусти. От этого ей становится легче.

Скоро Марина поймала себя на том, что уже ждет каждой новой прогулки, старается сделать ее длиннее. И у окна она по-другому проводит время. Смотрит на город. Он такой грустный в балтийском тумане. Ей все больше нравится видеть его...

Правда, горестные мысли часто поглощают ее. Тогда Марина снова ничего не видит вокруг себя. Но это уже не крошечные сумерки.

Глава 6

Однажды Марина долго бродила по городу. И тоска была с ней. Полностью в этот день захватила ее душу, погрузила в себя.

Оттого молодая женщина не заметила туч. А дождь сразу пошел, едва они закрыли солнце. Дождь сильный и неожиданный.

Марина не взяла с собой зонтик – весь день небо было чистым. Когда хлынул дождь, она стояла на набережной, спрятаться не успела. За несколько секунд промокла до нитки. Но ей вдруг стало очень хорошо.

Теплый дождь будто смыл тяжесть с души. Потому она не побежала в какой-нибудь магазин или бар. Она осталась под дождем.

Смотрела на город. Впервые по-настоящему смогла увидеть его.

Рига в дожде была такой красивой. Очертания домов казались слегка размытыми, а краски – более яркие.

Марина откинула челку со лба – ей хотелось вобрать все в себя!

Город в этом общем для него и Марины дожде стал удивительно близким молодой женщине. Она шла к себе, в сторону костела святого Екаба, и любовалась Ригой. Впервые ощутила магию ее древней сказки.

Почувствовала ауру этого города. Сказку, открывающуюся не каждому и не сразу. Сказку выющихся улочек, шпилей храмов, к одному из которых она сейчас шла. Не торопясь. Даже разулась, хотела всем телом почувствовать Ригу. На душе было хорошо. Так, как давно не было.

В свою квартиру Марина вернулась счастливой. Она не сразу заметила, как замерзла.

Долго стояла под душем, потом, надев махровый длинный халат, села в кресло, выпила две чашки черного чая с бальзамом. Согрелась, кресло поставила возле окна, снова смотрела на город, который сегодня по-настоящему открыла для себя.

Так и заснула в кресле – усталость и бальзам взяли свое.

Ни разу не проснулась. Такие хорошие ночи у нее теперь бывают все чаще.

Встала поздно. Пришедший ночью туман рассеивался. Силуэты шпилей церковей становились все более и более четкими.

Марина долго смотрела на них. Она даже забыла про завтрак. Лишь потом быстро выпила кофе, и сразу пошла в город.

Хотела быть ближе к нему.

Андрис тем днем впервые увидел Марину. Она шла босиком под дождем.

Он направлялся к святому Екабу, когда начался дождь. Зонтика у Андриса, как и Марины, не оказалось. Он забежал в магазин одежды «NewYorker» на улице Калкю, из-за стекла витрины смотрел на Ригу в дожде. Созерцал ее.

Художник очень любит такие мгновения, когда можно просто смотреть, принимать в себя красоту. Потом он обязательно пишет увиденное. Делится им с людьми.

...Возле стекла, за которым стоял Андрис, прошла девушка. Стройная, маленькая ростом, промокшая так, что видно всю ее фигуру, будто раздета.

Дождь ей не помеха, идет медленно. Как и Андрис, любит Ригой. В глазах у нее счастье, чистота... и грусть. Глубокая, но сейчас ее потеснила радость от красоты мира. А сами глаза – зеленые. Как у него.

Девушка посмотрела в его сторону, но не увидела Андриса. Она жила одной жизнью с городом и дождем, а Андрис был не в городе и не под дождем. Он был за стеклом магазина.

Но Андрис ее рассмотрел. Увидел ее глаза, увидел всю. Почувствовал ее.

Непонятно откуда пришло, но его тянет к ней. Он чувствует, что им может быть хорошо вдвоем. Они подходят друг к другу.

Ему захотелось выбежать из магазина, подойти к ней, взять за руку. Правда, Андрис так никогда не знакомился. Но если бы дело было только в этом, он обязательно преодолел бы себя.

Да, у него и незнакомки все могло бы быть хорошо, если бы не одно «но»...

Это «НО» написано в жизни Андриса огромными буквами, оно наложило на нее свою черную тень.

Его болезнь, его страх...

Что толку подходить к ней, зачем? Что это даст ему, ей, им обоим?

Они не смогут, никогда не смогут быть вместе. Из-за его болезни, из-за креста, который он, Андрис, непонятно за чьи грехи, несет почти двадцать лет.

Он остался за стеклом модного магазина, лишь взглядом проводил босоногую незнакомку.

Она ушла. Андрис остался в «New Yorker».

В Риге продолжался сильный июньский дождь.

Марина принимает Ригу в себя. Она любит Домский собор, может бродить часами по переулкам, широким бульварам этого города.

«Какой ты красивый», – каждый раз думает Марина, когда видит шпиль кирхи святого Петра.

«Ты величавый, добрый», – это она уже смотрит на Домский собор.

С почтением относится к Русскому кафедральному собору. Часто ставит здесь свечи.

Марине нравятся обе церкви святой Гертруды – они уже за пределами старого города. Как сестры эти две Гертруды – «старая» и «новая».

Но ближе всего ей костел святого Екаба. Может, потому, что он недалеко от дома, в котором она живет?

Марина хорошо рассмотрела этот костел. Шпиль – длинный, узкий, устремлен в небо. Его зеленая краска слегка выцвела. Основание храма – массивное, но не подавляет. Просто другим, иначе как мощным, оно не может быть. В каждом камне, во всем облике костела – эта добрая мощь...

Марина смогла многое разглядеть в Риге. Уловила ее оттенки. Очарование силуэтов кирх в минуты заката. Таинственную мрачность узких улиц в тающем свете позднего вечера. Игрушечную доброту разноцветных домов, согретых дневным солнцем.

Марина, как следует, рассмотрела и украшенный несколькими башенками дом на бульваре Мейеровича, в котором она живет. Этот дом – в двух цветах – в коричневом и песочном. На фасаде доминирует коричневый, а со стороны двора больше песочного. Во всем облике дома – теплая, неброская красота. Она тянет к себе, успокаивает. В таком доме хочется жить!

А если перейти бульвар Мейеровича, то попадаешь в парк, через который проложен Рижский канал. Марина полюбила стоять на узких мостиках, переброшенных через него. По каналу иногда проплывают маленькие прогулочные кораблики. Отсюда видны парк, старый город. А как красиво все освещено ночью! Как в сказке...

В прогулках, – они занимают все большее место в жизни Марины, – она иногда забывает обо всем плохом. И так происходит все чаще и чаще.

Теперь, когда она увидела город, когда начала его узнавать, чувствует, как сама меняется. Ее настроение, мысли начинает формировать окружающий мир, в котором царит этот древний город. Его красота, добрые чувства, которые он рождает, теснят тоску.

Она не ушла, но ощущения безысходности нет. Марине лучше, намного лучше!

Все происходит так, как сказал Иоганн Рихтер. Он дал совет не забывать о мире вокруг себя.

...Марина то и дело посматривает на старое зеркало в прихожей. Зеркало, в котором увидела призрака, спасшего ее.

Зеркало... Оно, как окно в другой мир. Целый мир за стеклом в старинной раме. Но Бог с ним, с миром. Главное – он, Иоганн Рихтер. Мысль о том, что он есть, будоражит.

Он страшно интересный! И глаза у них одного цвета.

Вдруг Марина снова увидит его?

Ей очень хочется этого. Она ждет, очень ждет встречи!

И Иоганн Рихтер думает о встрече с Мариной. Хочет говорить с ней, а не наблюдать за ней тайно. Он продолжает это делать.

Видит – Марина сейчас совсем по-другому себя чувствует. Это радует, но и огорчает его. Нет необходимости «проведать», как собирался.

Им вообще незачем видеться.

Но все равно Иоганн Рихтер думает о ней. Даже когда наблюдает за другими людьми, даже когда работает в библиотеке. Не читается. Он откладывает книгу, а перед глазами – Марина. Тоненькая, хрупкая, зеленоглазая.

Айна увидела, что он изменился.

– Что с тобой происходит? – прямо спросила.

Айна...

Она интересная. Высокая, стройная. У нее удивительные глаза – темножелтые. Волосы светлые, очень длинные. Свободно спадают на плечи.

При жизни она очень любила белый цвет и сейчас любит его. Все на ней белое – юбка, рубашка, шаль. Обувь Айна не признает, всегда ходит босиком. На запястьях у нее – серебряные браслеты в виде тоненьких змеек.

Айна интересная, красивая... и пронизательная.

Сейчас она пристально смотрит на Иоганна Рихтера. Он читает подозрение в ее взгляде. Еще бы, он никогда так не вел себя в библиотеке.

– Все в порядке, Айна, не волнуйся, все хорошо, – говорит он.

Опять пытается читать книгу. Получается неважно.

Марина...

Она далеко...

А вот Айна рядом. Призрак снова ловит на себе ее вопросительный взгляд...

Она не просто любит, она боготворит Иоганна Рихтера. И он привязан к ней.

Но никогда Айна не занимала его мысли так, как занимает Марина.

Он вообще мало думал о женщинах. Так было и при жизни, и в века призрачного бытия. На первом месте у Иоганна Рихтера всегда было дело, которому он посвятил себя.

Когда-то, в шестнадцатом веке, он был аптекарем и врачом...

Глава 7

Тогда, в шестнадцатом веке, Иоганн Рихтер занимался, в основном, не рутинными аптекарско-докторскими делами. Он был одним из тех немногих людей, которые в то время пытались бороться с психическими заболеваниями.

Был очень увлечен этим. Создавал настойки, порошки. Для этого экспериментировал сам, вел переписку с другими врачами, жившими в разных странах.

Он также посещал старых латышек, знавших кое-что о том, как боролись с душевными недугами во времена язычества.

Когда-то на Балтике людей лечили жрицы-девственницы. Некоторые их тайны в зашифрованном изложении сохранились в преданиях. Они стали известны Иоганну Рихтеру.

Для лечения врач применял и свои уникальные возможности. Он мог силой своего взгляда успокоить человека, вывести его из депрессии, внушить ему почти все, что сочтет нужным. Короче говоря, воздействовать на него.

Потом, спустя века, он стал называть свое воздействие гипнозом.

Впрочем, его гипноз совсем непохож на обычный. Тот, на кого воздействует Иоганн Рихтер, не хочет спать. К тому же, он может о чем угодно говорить с пациентом, а одновременно делать свое дело. Его гипноз совершенно не заметен для того, к кому применяется.

Но Иоганн Рихтер редко использует гипноз тайно от человека, которого лечит. Делает это лишь в тех случаях, когда другого выхода нет.

При жизни врач не очень любил людей. Больше интересовался их болезнями. Был одержим мечтой победить эти недуги. Верил в силу разума. Был атеистом, демонстративно не ходил в церковь.

Католическое духовенство закрывало на это глаза. Причина лояльности была простая – Иоганн Рихтер вылечил двух священников.

Врач был поглощен работой. Почти не обращал внимания на женщин. Хотя им нравился. Сильная личность, обаятельный, ироничный...

Не раз бывало, что молодые горожанки приходили к нему, жаловались на выдуманные недуги. Врач сразу понимал маленькие женские хитрости. Первые минуты он с интересом общался с дамой, чуть-чуть флиртовал с ней. Когда же визит затягивался, он начинал сердиться из-за того, что у него отнимают время.

Но одна женщина в его жизни все-таки появилась.

Айна...

Ему уже было около тридцати, когда нашел ее в декабре на улице. Девочка-подросток была больна. Сильно простудилась, но главное – ее мучили галлюцинации.

Иоганн Рихтер взял девочку домой, начал лечить ее от простуды, видений. Ему пришлось нелегко, но он справился с этими недугами.

Когда Айна немного поправилась, то рассказала врачу свою историю.

Она сирота. Была служанкой в доме богатого горожанина. Он очень любил собак. Айна ухаживала за щенками. Почтенный собаковод так загонял девочку, что она возненавидела не только хозяина, но и самих щенков.

Потом, – она не знала, почему это произошло, – один из них умер у нее на руках. Щенок был здоров, ничто не предвещало беды. Затем также на руках скончался второй. Она была в шоке.

Хозяин щенков тоже. Он сделал свои выводы. Заподозрил, что Айна – ведьма, выгнал ее из дома. Зимой, на холод, легко одетую.

Декабрь дал ей простуду, шок породил галлюцинации.

Благодаря Иоганну Рихтеру Айна выздоровела, но перенесенный недуг наложил на нее свою печать. Она стала нервной, вспыльчивой.

Айна осталась у врача. Он не смог выставить ее за дверь. Ей было некуда идти. К тому же, девочка восхищалась врачом, его работой. Едва выздоровела, стала стараться помочь ему.

Иоганна Рихтера никогда не тяготило одиночество, но теперь, когда в доме появилась эта девочка, ему стало уютнее.

Все шло хорошо. Но однажды дрозд, живший в доме врача в клетке, удрал из нее: кто-то забыл закрыть дверцу. Птица заметалась по комнате, опрокинула сосуды с порошками, настоячками, погубив результаты многих часов работы. А сама сломала крыло.

Они оба, – и врач, и Айна, – разозлились на дрозда. Когда поймали, врач сразу начал накладывать шину на крыло птицы, а Айна крепко держала ее.

Дрозд через несколько минут умер...

Это была потеря для Иоганна Рихтера. Восемь лет эта птица жила у него.

Врач взял мертвого дрозда в руки. И вдруг...

Вдруг он вспомнил про щенков...

У него возникла страшная мысль. Не могут ли руки Айны нести смерть тем, на кого она разгневана? И в том, и в другом случае девочка была очень зла на живых существ, которых держала в руках.

Это предположение показалось Иоганну Рихтеру маловероятным, тем не менее, врач решил проверить его.

Незаметно для Айны он принес в дом лягушку и спрятал под кровать девочки. Знал, что она страшно боится, ненавидит лягушек!

Айна пришла в ужас, когда обнаружила лягушку. Девушке пришлось взять ее в руки, чтобы выкинуть из дома. Айна смотрела на лягушку с отвращением и гневом, пока несла ее через комнаты.

Скоро Иоганн Рихтер прервал свою работу, вышел на улицу. Он сразу увидел лягушку. Она была мертвой.

Ему стало ясно – руки Айны обладают зловещей силой.

Врач все рассказал девочке. Она была потрясена. Чуть снова не повредилась в уме.

Что им теперь с этим делать? Айна вспыльчива, она, наверное, может и человека убить!

Иоганн Рихтер быстро нашел то, что могло стать выходом. Дал Айне кожаные перчатки. Попросил надеть, взять в руки лягушку. Айна глядела на нее не с меньшим отвращением, чем на первую. Но с лягушкой не произошло ничего плохого.

С тех пор Айна всегда носила перчатки. За исключением времени, когда оставалась наедине с Иоганном. Тогда в перчатках не было нужды – она никогда не злилась на врача.

Так и они жили несколько лет. Поглощенный психиатрией Иоганн Рихтер не заметил, как Айна повзрослела и... полюбила его.

Врач узнал об этом, когда она пришла к нему в постель. С тех пор они были вместе не только днями, но и ночами.

Она всегда страстно ласкала его. Но об одном никогда не забывала: на шее у Иоганна – большое родимое пятно, к которому нельзя прикасаться. Это опасно, может вызвать болезнь.

Айна любила Иоганна. А он...

Он позволял ей любить себя. Ценил Айну, и тело девушки ему очень нравилось. Но на первом месте у Иоганна Рихтера оставалось лечение психических заболеваний.

Он брался за самые сложные случаи. Как-то один известный в Ливонском ордене рыцарь-монах впал в буйство. Он был хорошим бойцом. Когда помешался, убил троих, затем заперся в трапезной монастыря. Никто не отваживался туда войти. В ордене, на уровне самого гроссмейстера, долго думали, что делать с этим рыцарем. Решили, в конце концов, схватить его и убить.

Иоганн Рихтер смог предотвратить трагедию. Он на считанные минуты опередил отряд воинов, посланных орденом, вошел в трапезную. Воины хорошо знали врача, они решили дать ему время на то, чтобы он попытаться привести их соратника в чувство. На успех этого они, впрочем, не очень надеялись.

Скоро в дверях трапезной появились два человека. Врач и рыцарь. Последний был уже тише воды, ниже травы. Иоганн Рихтер применил к нему ударный гипноз, затем дал усиленный набор лекарств «скорой помощи».

Орденские власти были рады, что ценный боец пришел в себя, даже не стали наказывать его за убийства.

А врач пришел домой довольный.

– Ты был уверен, что гипноз подействует? – спросила Айна, когда узнала о том, что случилось.

– Нет, конечно, – лукаво подмигнул ей Иоганн Рихтер. – Может, подействует, думал, а, может, и нет. Был интересный больной, и интересный эксперимент. Правда?

Айна не могла с этим согласиться:

– Из-за этого эксперимента я могла лишиться тебя!

У самой на глазах слезы. Страшно испугалась за Иоганна, но и была горда им. Только он, ее любимый, способен на такой подвиг!

Ночью она так страстно ласкала врача, что у него на спине появились глубокие царапины.

Иоганн Рихтер потом долго лечил этого рыцаря, закреплял успех первого воздействия.

Они, можно сказать, подружились. Рыцарь привязался к врачу. А Иоганн Рихтер, когда видел его, прежде всего вспоминал об успешном лечении этого человека. Болезни, медицина – были для него главным...

В то время на землю Ливонского ордена пришло лютеранство. Приверженцы новой веры захватывали костелы, расправлялись со священниками. Орденские власти оказались бессильны перед толпой, которая стала править в Риге, ее окрестностях.

Иоганн Рихтер стал жертвой этой толпы.

Он случайно «залечил» одного лютеранина до смерти. Тот страдал эпилепсией, обратился к нему. Произошла обычная врачебная ошибка – Иоганн Рихтер ошибся в дозировке лекарства, которое, как он знал, делает менее мучительной эту болезнь.

Умерший был известным человеком, одним из известных сторонников новой веры.

Когда выяснилось, что он умер из-за лекарства Иоганна Рихтера, лютеране припомнили врачу все. И еще одну смерть, произошедшую по его вине пару лет тому назад, и, конечно, его атеизм.

Фанатики ворвались в его дом. Он не сопротивлялся. Видел – бесполезное дело. Но Айна пыталась встать между ним и разъяренными лютеранами. Девушку ударили молотком по голове, она потеряла сознание.

Врача схватили. Суда не было. Они сами решили, что делать с ним.

Его замуровали живым в церкви святого Екаба, который лютеране сделали своей кирхой.

Никто из тех, кого лечил Иоганн Рихтер, не пришел к нему на помощь. Люди боялись толпы.

Только его друг, рыцарь, конечно, не остался бы в стороне. Но он жил под Ригой. Лишь на следующий день узнал о том, что стряслось.

Рыцарь никому не стал мстить. Единственное, что сделал, снова стал католиком. До этого, он, как и почти все рыцари Ливонии, перешел в лютеранство.

...Иоганн Рихтер не покинул этот мир. Он стал призраком.

Почему такое произошло?

Сам врач уверен, что дело в эликсире бессмертия, над которым он работал несколько лет.

О том, что такой эликсир существовал, ему рассказали старые латышки, помнившие языческие предания. Полного состава, они, разумеется, не знали, но называли некоторые вещества, которые использовались в его приготовлении. Основываясь на этом, Иоганн Рихтер пытался возродить эликсир.

Полученную жидкость он принимал. Хотел жить как можно дольше, чтобы победить психические болезни.

Видимо, работа врача над эликсиром не увенчалась полным успехом, поскольку на земле остался лишь его призрак.

Не только он стал таким.

Айна тоже.

Она почти до безумия любила Иоганна Рихтера. Попросила врача давать и ей эту жидкость, чтобы никогда не расстаться с ним. Пожав плечами, он согласился.

Ведь он позволял ей любить себя.

Когда врача замуровали в стене храма святого Екаба, она была на грани безумия от боли, страдания и ярости. Ярости на безумцев, убивших человека, которым она жила.

Айна выбросила свои кожаные перчатки. Она начала охоту за теми, кто взял жизнь Иоганна Рихтера.

Подкарауливала их, одного за другим. Тихо, благо ходит босиком, подходила к ним сзади. Одной рукой обхватывала человека за шею, другую клала ему на голову. Айна – очень сильная от природы. Вырваться сразу никому не удавалось. Люди быстро умирали в ее объятии.

Ее месть лютеранам продолжалась две страшных для них недели. За это время Айна лишила жизни семерых. Все они участвовали в казни Иоганна Рихтера.

Но она не успела убить всех. Кто-то увидел, как она ночью подошла сзади к толстому ткачу Вильгельму Шпульке, схватила его, а через минуту он упал на землю. Свидетель не стал молчать, когда утром узнал о смерти ткача.

Айну арестовала городская стража. Люди были уверены – она ведьма. Ее повесили на железный крюк на Горе Виселиц. Там и похоронили. Там же она начала жизнь призрака, первым делом найдя Иоганна Рихтера.

Тогда он ненавидел людей. Но зла им не причинял.

Айна повела себя иначе. Как только она узнала, что ее ладони сохранили смертоносную силу, то сразу продолжила свое мщение. Убила еще двух человек.

Но Иоганн Рихтер сказал «нет». И она послушалась.

Первые годы своей призрачной жизни врач, в основном, занимался Айной. Призраки, как и люди, болеют. У Айны от шока снова начались галлюцинации.

Хорошо, что у Иоганна Рихтера остался дар гипноза. Своим внушением он вылечил девушку.

Айна еще больше привязалась к врачу. А он по-прежнему позволял ей любить себя.

Сначала врач не хотел ничего знать о мире людей. Но со временем, – прошло много десятилетий, – боль от того, что люди сделали с ним, притупилась. Человеку, даже если он всего лишь призрак, свойственно забывать плохое.

В Иоганне Рихтере продолжал жить врач, исследователь. Он начал все больше и больше наблюдать за людьми, их поведением, определять больных среди них, размышлять над их заболеваниями. Он думал о том, как можно справиться с этими болезнями.

Врач снова начал помогать людям.

К этому времени он изменился. Стал мягче, терпимее, лучше понял людей. Полюбил их. Начал больше, чем при жизни, сопереживать им. Их судьбы стали для него важнее, чем врачебный успех.

Он стал заниматься своим делом с еще страстью после того, как – это было почти сто лет назад, – узнал одну тайну. Тайну, которой не стал открывать даже Айне. Эта тайна связана с Анной и Жанной...

Иоганн Рихтер спас не только Марину, но и еще нескольких людей, которые хотели покончить с собой. Но он, конечно, занимается не только самоубийцами. Врач-призрак выводит людей из депрессии, успокаивает тех, кто кому гнев застилает разум.

Применяет гипноз. А часто обходится без него. Действует силой слова, убеждения.

Иоганн Рихтер очень жалеет, что не всегда может действовать на больного. Закон жизни призраков таков, что люди могут увидеть врача лишь ночью, поздним вечером и еще ранним утром. А если они не видят его, то и не чувствуют силу внушения.

С призраками, которые страдают психическими расстройствами, легче. Они в одном мире с Иоганном Рихтером.

Он очень пережил из-за того, что не может применить все свои знания, весь свой опыт. Не может даже назначать лекарства. А сколько он видел ошибок коллег, врачей-психиатров, но не знал, как помочь их исправить.

Не сразу, но он смог кое-что придумать. Появлялся перед своими живущими коллегами, говорил то, что может помочь больным. Затем исчезал.

Действовало. Врачи обычно думали, что у них самих была галлюцинация. Они трактовали ее, как своего рода озарение. Считали, что сказанное Иоганном Рихтером, – их собственная идея. Применяли ее в лечении.

Так призрак помог многим больным. Правда, однажды он сделал инвалидом одного юного врача. Тот оказался чересчур впечатлительным. Попал в психушку после того, как перед ним появился призрак.

– Ошибся я с ним, Айна, надо было получше присмотреться к нему, – не раз с сожалением говорил врач своей спутнице.

Айна в ответ лишь пожимала плечами. Она до сих пор недолюбливает людей. За то, что они сделали с ее любимым и с ней самой.

Иоганн Рихтер хотел узнавать новое в медицине. Во времена его жизни уже появилось небольшое собрание книг, которое теперь стало Фундаментальной библиотекой Академии наук Латвии. Столетия он – ее постоянный ночной посетитель.

Ради чтения новых книг Иоганн Рихтер выучил еще несколько языков. Айна обычно бывает с ним в библиотеке. Сидит возле его ног.

В призрачной жизни врач смог познать много нового. Ему, призраку, стала видна и понятна аура старого города, его доброта, печаль. Он ощущал чувства тех, кто давно ушел из этого мира, их страсти, страдания.

И еще у него появился новый друг. Пес!

После того, как Иоганн Рихтер стал призраком, он вдруг узнал, что Пес, небольшая статуя которого стоит на крыше одного из домов на бульваре Мейеровича, живой. И ему, Псу, как и всем собакам, хочется гулять. Не в одиночку, а с хозяином. Точнее, с другом. Иоганн Рихтер стал для каменного Пса таким другом.

Когда они гуляют, – а это обычно бывает после часа ночи, – то обо всем разговаривают. О погоде, политике, городских новостях. А еще Пес рассказывает о том, что увидел за день, пока сидел на крыше.

Айна обычно не составляет им компанию. Она не очень разговорчива. У Айны, в основном, говорят глаза. Дивные, темножелтые. В них столько эмоций...

Даже с Иоганном Рихтером она больше молчит. Даже когда вдвоем. В библиотеке или дома – в маленькой комнате на чердаке Латвийского художественного музея.

Люди давно забыли об этой комнатке. Врач когда-то загипнотизировал двух каменщиков, заставив их заменить дверь в нее на участок стены.

Иоганн Рихтер и Айна обитают здесь уже почти семьдесят лет. Сначала врач думал поселиться в соседнем здании, там сейчас находится Академия художеств. Академия влекла – очень похожа на замок в готическом стиле. Любому призраку такое жилище по вкусу. Но врач все-таки выбрал музей. На его фасаде – барельефы персонажей античности. А Иоганн Рихтер относится к этой эпохе с особым уважением – считает, что тогда зародилась наука.

Айне, которой больше нравился «замок», пришлось смириться с его решением, отправиться на чердак музея.

Глава 8

Иоганн Рихтер узнал о Марине от Пса. Тот, можно сказать, все уши прожужжал своему другу, рассказывая о ней. Часто, каждый день видит ее. Ведь она поселилась в доме, который Пес охраняет.

Все говорил и говорил Пес о ней призраку. Такая, дескать, красивая, но и печальная. В депрессии – он благодаря призраку хорошо знает это слово – пребывает. Надо обязательно помочь ей!

– Раз надо, поможем. Во всяком случае, попробуем, – сказал Иоганн Рихтер.

Пес радостно лизнул его руку. Затем встал на задние лапы, потянулся к лицу. Для него тело Иоганна Рихтера вовсе не призрачное, а самое, что ни на есть настоящее, как, впрочем, и для Айны. Наверное, потому что сам Пес необычный.

Прогулки с Псом...

Они всегда были наслаждением для Иоганна Рихтера. Его лучшим отдыхом. Теперь, после разговора с Мариной, гармония нарушена.

Врач думает о ней...

Пес это заметил. Деликатен, не стал задавать другу вопросы.

С работой тоже неладно. Иоганн Рихтер не может сосредоточиться.

Привычный, вековой ход жизни нарушен. Его разрушает Марина.

Она... Все время в мыслях она...

Иоганн Рихтер не может не встретиться с ней. С каждым днем он все больше чувствует это.

Раз так, решает он, встреча произойдет. Впервые в своей призрачной жизни он сделает это – без необходимости появится перед живым человеком. Но этот человек – она.

Он просто пообщается с ней. Ничего более.

«Что-либо другое невозможно», – снова и снова говорит себе Иоганн Рихтер.

Но он думает и о другом. На этой встрече надо хорошо выглядеть!

Не следует появляться перед Мариной в одежде шестнадцатого века. Наверное, она выглядит нелепой, смешной в глазах современной женщины. Конечно, одежда – не главное, но все же...

Несколько раз врач прогулялся возле витрин модных бутиков Риги.

«Ни в коем случае нельзя ее снова раздетой застать, второй раз подряд – это уже перебор», – вот еще что он решил.

Он позволит себе увидеться с Мариной только один раз. Не больше...

В этот день врач наблюдал за Мариной. Вечером она отправилась в город. Значит, он будет ждать ее у подъезда.

Иоганн Рихтер долго стоял здесь. Чувствовал радостное волнение. Очень сильное. Никого так прежде не ждал. Что ж, сказал он себе, все бывает впервые в жизни.

Пес сверху, со своей крыши, внимательно смотрел на него.

Он знает о том, что врач спас Марину. Ей больше не нужна помощь. Зачем его друг снова хочет видеть эту женщину? Неужели неясно, что встреча не принесет ничего хорошего!

Пес ничего не стал говорить Иоганну Рихтеру, лишь покачал головой.

В старый город уже пришла ночь, когда появилась Марина. Нагулявшись, она возвращалась домой. В простом платье зеленого цвета, сандалиях на босу ногу...

Врач первым ее увидел. Издалека. Ведь он знал, что встретит Марину, а она еще пребывала в неведении.

Марина увидела его, когда подошла к дому.

Это же он, Иоганн Рихтер! Ждала встречи, и вот он пришел, он ждет ее!

А как одет...

Не в средневековом камзоле и в комичных панталонах. Сегодня на Иоганне Рихтере джинсы черного цвета, белая рубашка, на шее зеленый платок. Он так хорошо гармонирует с его глазами! А волосы... Не спрятаны, как в прошлый раз, под профессорскую шапочку. Они, оказывается, темные, довольно длинные, слегка вьются. Собраны в косичку.

Перед ней стоит модно одетый мужчина. Призрак, конечно, Марина не забывает об этом ни на секунду, но все равно мужчина! Мужчина, который нравится ей.

И она понимает, почему он так оделся. Он сделал это для нее!

Марина счастлива, но и ошарашена. Уж очень неожиданно все это произошло.

– Здравствуй, – сказала она, и тут же сообщила, – а я ногу натерла.

Сказала первое, что пришло в голову. А ведь сущая правда, это даже мешало гулять. Но сейчас, вот уже несколько мгновений, она не чувствует боли.

– Здравствуй, Fräulein Марина! А я хотел предложить тебе пройтись по городу. Но раз уже так долго гуляла, да еще ногу натерла, прогулки не получится, – шутливо развел руками Иоганн Рихтер.

Впервые в жизни он ждал женщину, впервые в жизни приглашает ее на свидание. И видит – приглашение будет принято. Он счастлив, что сегодня пришел к ее дому. Пусть и в последний раз.

– Получится прогулка, обязательно получится! – запротестовала Марина, – вот только сначала ненадолго поднимемся наверх, ко мне. Я приклею пластырь.

– Поднимемся? – переспросил он.

– Конечно. Ты ведь уже был у меня. Без разрешения, кстати, – Марина одновременно хитро и ласково посмотрела на него.

– Прошу вас, проходите первой, пострадавшая от ходьбы, – Иоганн Рихтер нарочито церемонно поклонился Марине, затем открыл дверь подъезда, пропуская ее вперед.

Марина сделала вид, что сердится, постаралась грозно посмотреть на него. Не получилось.

Иоганн Рихтер не спускал с нее глаз, пока она занималась ногой. Ему нравилось каждое ее движение...

Марина это чувствовала. Она была усталой, когда шла к дому, а сейчас усталость куда-то ушла.

Она хочет долго бродить с ним по безлюдным в ночи улицам!

Тумана сегодня не было. Ночь была светлой. От луны, круглой и яркой.

Марина и Иоганн Рихтер дошли до Petrikerche (церковь святого Петра), затем спустились к набережной через Ратушную площадь, остановились возле реки.

– Ты теперь совсем по-другому смотришь на город, – сказал врач.

– Не только на город.

Ей захотелось взять его за руку. Только это, не больше. Марина никогда быстро не сходилась с мужчинами. Просто сейчас хотела почувствовать его.

Рука прошла сквозь пустоту. Забыла на мгновение, что у нее свидание с призраком.

И тени у него нет. Марина случайно это увидела. Иоганн Рихтер тут же поймал ее взгляд:

– Какой есть, такой есть, Fräulein, – он грустно посмотрел на свою спутницу.

Марине захотелось, чтобы ему сейчас было хорошо. Слова пришли сами:

– Ты мне очень помог, спасибо тебе.

– Что ты, я просто сказал несколько слов тогда, когда они были нужны тебе.

– Я снова хочу жить. Не просто потому, что надо, что нельзя бросаться из окна. Жизнь снова начинает нравиться. Понимаешь?

– Да, Fräulein.

Он сейчас так близко к Марине. Глаза смотрят в глаза. Они ласкают друг друга глазами. «Это лучше секса», – подумала Марина.

Они долго стояли у Даугавы. А потом медленно шли к святому Екабу. Их путь освещала луна.

Вдвоем, совсем близко друг к другу идут, но перед Мариной лишь одна тень. Ее тень. Она видит его, с ним хорошо, а тень ее все равно одна...

Это необычно, это пугает...

Но сейчас в Марине сильнее другое – ей нравится этот призрак.

– Расскажи мне о себе, Иоганн Рихтер, – попросила она.

– В другой раз Fräulein, – отказался он, – не стоит портить прекрасные минуты невеселым рассказом.

Она не стала настаивать.

Они поднялись в ее квартиру, стояли возле окна. Того окна, через которое Марина хотела уйти из жизни.

Теперь ей было страшно думать о том, что такое могло произойти.

Марина чувствовала, что Иоганн Рихтер разбил тот кокон из тоски и боли, который сковывал ее душу. Он освободил Марину. Остатки этого кокона еще есть, но они постепенно спадают с нее.

Благодаря ему, призраку. Благодаря городу, по которому сегодня гуляли, по которому она часто гуляет одна.

А сейчас они вместе смотрят на этот город – на шпили кирх, крыши домов. И на Луну в небе смотрят.

Вот только прижаться к мужчине, который так близко, Марина не может. Оттого в ней горечь.

Но все равно она очень не хочет отпускать его от себя. Увы, скоро рассвет, значит, призрак оставит ее.

– Ты еще придешь ко мне?

– Не знаю, – Иоганн Рихтер не смотрел на нее.

Он больше не увидит ее. Да, может, они половинки целого, но слишком далеко находятся друг от друга. Это надо принять как должное. А сегодняшняя общая ночь, каждое ее мгновение, всегда будет с ним.

На этот раз Иоганн Рихтер ушел не через зеркало, хотя оно ему очень нравилось – старинное, красивое. Любому призраку приятно пройти через такое.

Сегодня он миновал зеркало, подошел к двери, она сама открылась перед ним.

Сам не осознавая того, врач сегодня хотел быть похожим на обыкновенного, живущего на земле человека. Получалось плохо...

Когда Иоганн Рихтер возвращался домой, мысли о том, что у него с Мариной нет общего будущего, отошли на второй план.

Он был счастлив, ведь они только что виделись. Прекрасна эта звездная ночь с большой круглой Луной!

Айна ждала его дома, в маленькой комнатке музея. Встретила, посмотрела в глаза.

– Ты уже несколько дней не был в библиотеке, – сказала.

Права. Ему не хотелось туда идти. Все равно не смог бы читать.

– Не складывалось, – кратко сказал Иоганн Рихтер.

Он не хотел никаких разговоров. Продолжал жить встречами с Мариной.

Подошел к окну. Снова смотрел на звезды сегодняшней ночи. Вспоминал свидание. Снова переживал каждое его мгновение. Вновь чувствовал то, что чувствовал тогда, когда был с Мариной.

– Ты меняешься в последнее время. Почему? – тихо спросила Айна.
Иоганн Рихтер сделал вид, что не услышал ее слова.
Она не стала повторять свой вопрос.

Годами в акварелях Андриса мало что менялось. В основном, художник писал пейзажи, силуэты старого города. Почти все его картины были в неярких тонах.

Люди говорят, что чувствуют спокойствие, умиротворение, когда смотрят на них. Он это понимает – сумел передать что-то свое!

Всегда отдыхал душой, когда работал. Отдыхал и... грустил. В Андрисе много этого чувства. Но грусть его редко кто видел. Она в почти неуловимых оттенках, тенях картин.

Прежде Андрис не поднимался выше определенного уровня. Будто застыл в своих чувствах, своей грусти, своем мастерстве.

Сейчас в нем будто что-то взорвалось. Художник работает с большим напряжением: ночами стоит у мольберта. Потом, днем, болят виски, но он все равно продолжает работать. Устает, мало спит, но внутри будто что-то горит.

Незнакомка, которую встретил... Благодаря ей получается все, что он хочет вложить в полотно.

Картины Андриса стали другими. Это говорят люди, которые видят их. Что-то такое появилось в акварелях, что, хоть ненадолго, но заставляет забыть обо всем.

В полотнах – больше энергии, силы, у них более нервные линии. Изменилась гамма цветов. В ней – трепет, волнение. И сюжет новый. Раньше на картинах Андриса не было людей.

Теперь появилась она. Ее силуэт. Силуэт миниатюрной женщины в дожде. Женщины, идущей по городу босиком.

Его картины пронизывают нежность к ней, тяга к ней, хотя видел ее всего раз и то изда-лека.

Нежность и... грусть в новых полотнах.

Грусть Андриса стала другой. Его оставило грустное спокойствие, а само чувство стало сильнее, чем прежде. Потому что он знает – ничего не получится, даже если снова увидит ее. Из-за его болезни.

Вроде за много лет привык жить со своим страхом. Притерпелся. А сейчас снова очень тоскливо.

Но все равно вечерами, перед тем как идти домой, художник долго бродит по старому городу. Зайдет ненадолго в костел Екаба, а затем... Затем ищет ее. Вдруг снова встретит?

Он болен, путь к обычному счастью заказан. Но все равно...

Увидеть бы ее, еще раз увидеть. Он художник. Для него это важно, для него это жизнь. Как глоток воздуха. Мгновение настоящей жизни. Он его потом много раз напишет в своих акварелях.

Но ее нет. Только дождь и туман. Такие почти все вечера этого лета.

В этом тумане на Андриса иногда накатывает злость на свою участь. Злость вспыхивает в нем, охватывает, будто пламя. Тогда он сутками не подходит к мольберту.

Внутри все кипит. Художник мрачный, хмурый, курит сигарету за сигаретой. С родителями едва словом обмолвится. Думает о своем проклятии. О своей болезни.

Почему, почему он не такой, как все? Чем провинился перед Господом Богом?!

Но потом...

Потом он снова вспоминает ее. Снова хочет запечатлеть ее силуэт. Злость оставляет Андриса, а он днем и ночью со страстью прописывает каждую черточку этой маленькой женщины.

В творчестве художник забывает о плохом. В творчестве он уже с ней. Дает ей свое чувство, свою нежность. Они очень грустные...

Марина чувствует, что настрой ее меняется. Она, правда, нередко грустит, но уже не сторонится людей, как в первое время в Риге. Ей нравится видеть этот город, и людей в нем. Семейства с детьми уже не вызывают острого чувства горечи.

Она стала больше общаться по телефону с родителями. Отменила мораторий, который наложила на встречи с дядей Петей и своим кузеном.

Те рады стараться. Свезили родственницу в старинный замок на севере Латвии, затем втроем отправились на целый день к морю – в Юрмалу.

– Тебе, Марина, надо обязательно посмотреть Таллин, – сказал дядя Петя.

У него наполеоновские планы. В Копенгаген, в Амстердам, даже в далекий Нью-Йорк повезет племянницу, так хочет развлечь ее. Этого жизнерадостного полного человека просто переполняют энергия, родственные чувства.

Не меньше их в его сыне. Алексей менее темпераментен, но тоже очень много думает о Марине. Он серьезно относится к идее отца свозить кузину за границу. Готов составить график зарубежных поездок.

– Тебе надо отвлечься, сестра, – каждый раз повторяет при встречах.

Сурово смотрит на нее. Дескать, это, как лекарство, отказываться нельзя.

Но Марина пока не собирается уезжать из Риги. Она еще, как следует, не узнала ее, не рассмотрела, хотя с каждым днем понимает все больше. Но ведь каждый следующий день непохож на прошлый, и город всегда другой. Когда солнце ласковое, и город приветлив, а когда небо хмурится, он становится суровым. А в тумане, – он по-прежнему часто приходит, – Рига снова меняется. Становится таинственной и загадочной.

В туманные дни Марину порой посещают воспоминания, которые хочется прогнать от себя. Она вспоминает, как стояла возле водонапорных башен...

Спросила о них у дяди. Он почти все знает о Риге, любит ее легенды, предания.

– Говорят, в этих башнях на улице Матиса водятся страшные привидения, – Петр Альбертович подмигнул племяннице. – Не ходи туда. Кстати, откуда тебе стало известно о них?

– Смотрела какую-то передачу по телевизору, не помню, как называется, – сказала Марина.

Сама спрятала глаза под длинную челку. Отец всегда ей говорил – врать не умеешь, Маринка, тебя выдают глаза.

Благодаря ее маленькой хитрости дядя лжи не почувствовал. Он зацепился за тему, начал увлеченно рассказывать племяннице о рижских привидениях.

Марина узнала о духе солдата, который живет в базилике святого Петра, о девушке Марте, которую когда-то замуровали в стену Шведских ворот за то, что много гуляла с мужчинами. Люди часто слышат ночами ее крики. Рассказал дядя Петя и о призраке женщины, который обитает в обветшавшем большом доме на улице Марияс. Ее убил муж-ревнивец.

Петр Альбертович больше всего говорил именно об этом призраке, делая при этом акцент на рассказе о доме с большой башней, в котором тот появляется. Алексей потом рассказал Марине, в чем дело.

Оказывается, дядя Петя очень хочет купить этот дом. Поэтому все знает о здании. Уже несколько лет он ведет переговоры о покупке. Пока они неудачны. Желание приобрести дом прочно засело в голове у дяди Марины. Стало, можно сказать, его хрустальной мечтой.

Марина, конечно, желает своему дяде удачи, но ей было совсем неинтересно слушать рассказ Алексея о несостоявшейся сделке.

Ей было жаль, что дядя ничего не знает об Иоганне Рихтере. Она очень ждала, что дядя Петя что-нибудь расскажет о ее призраке.

Марине хочется больше узнать о нем.

Она помнит каждое мгновение их встреч. Она ждет новой встречи.

Марина думала об Иоганне Рихтере и в тот день, когда впервые увидела Андриса. Это произошло возле кирхи святого Петра.

Андрис издали заметил Марину. Но сразу подойти не смог. Не из-за того, что она шла с двумя мужчинами – это были дядя Петя и Алексей.

Высокий тощий англичанин как раз расплачивался за картину. Не спускал глаз с художника, ждал сдачу. Пока Андрис отдал ему деньги, Марина куда-то ушла.

А он обязательно подошел бы к ней. Нашел бы, с чего начать разговор.

Сделал бы это, несмотря на болезнь, на это свое большое «НО». Пусть ничего дальше не будет. Но он должен посмотреть в ее глаза, хоть раз услышать ее голос. Он ругает себя за то, что во время дождя остался стоять за стеклом витрины модного магазина.

Рассчитавшись с англичанином, Андрис чуть не бегом рванул в тот переулок, в который, как ему показалось, свернула Марина. Но там ее не было.

Художник был очень расстроен, когда вернулся к своим картинам. Одно хорошо – второй раз увидел ее. Значит, она живет в этом городе, не приехала сюда на несколько дней. Значит, есть шанс снова встретить ее.

Об этом Андрис каждый день просит Деву Марию в костеле святого Екаба...

А Марина на этот раз заметила его.

«Интересный, взгляд одухотворенный, но и очень грустный», – подумала.

Ей было приятно, как Андрис смотрит на нее. Она ему нравится! Почти каждая женщина слегка балдеет от этого...

Но импульса к нему не возникло. Ведь она думает о призраке. Он в душе у Марины.

Но Андриса молодая женщина тоже запомнила.

«Надо как-нибудь прийти, посмотреть на его картины», – решила.

Интересно, что пишет этот художник, что у него на душе.

В Иоганне Рихтере день ото дня растет желание новой встречи с Мариной. Еще одной встречи...

Нет, встреч, многих встреч! Вот о чем он не перестает мечтать.

Да, говорил себе, что они больше не будут видеться, но не может остановить, не в силах сдержать себя. Отказывается слышать голос разума. Голос этот всегда был силен в нем. Всегда оказывался сильнее чувств. На этот раз иначе, но разум настойчив, твердит свое:

«Не нужно видеться с ней, не нужно. Марине плохо сделаешь, видел же, как она смотрит на тебя».

Прав ты, разум. Тысячу раз прав. Все Иоганн Рихтер видел, он помнит каждый миг, когда Марина глядела на него. Но снова безумно хочет смотреть в ее глаза, видеть себя в них.

«Нет, надо принять доводы рассудка, смириться», – говорит он себе.

Решение дается с трудом – он не будет искать новой встречи. И перестанет наблюдать за Мариной.

Все обрубит. Одно лишь позволит себе. Заглянет в квартиру Марины, пройдет по комнатам, в которых живет эта женщина, посмотрит на ее вещи.

Иоганн Рихтер сделает только это, и ничего более.

Так он еще раз оказался в квартире с большим окном, которое смотрит на громаду костела Екаба.

Вот она, комната, где разговаривал с ней, где спас ее жизнь...

Призрак долго стоял у окна, глядел на зеленый шпиль храма. Сначала вспоминал первую встречу с Мариной, потом почему-то свои последние дни. Затем стал думать о своей жизни, не этой призрачной, а другой – настоящей, очень далекой.

Если бы тогда встретил Марину, как бы у них все было? Тянуло бы друг к другу, как сейчас тянет? Да – призрак в этом уверен. Что ж, Марина родилась слишком поздно. Он бессилен что-либо изменить. Надо смириться...

Смириться. Легко сказать. Как же ему сейчас горько...

Хоть бы ненадолго, хоть на один день перестать быть призраком! Они насладятся этим днем, а потом навсегда оставит Марину.

Опять мечты...

«Эгоистичные мечты», – признается себе Иоганн Рихтер.

Подумал, прежде всего, о себе, а не о ней. А что она, Марина, будет делать после этого дня?

Иоганн Рихтер прошел в ее спальню. В глаза ему бросились два предмета.

На кровати лежит рубашка Марины. Та самая рубашка в клеточку, которую она поспешила надеть, когда он появился в зеркале. Снова воспоминания, они снова рожают мечты о несбыточном...

А напротив кровати, на небольшом, низком комодке – икона. Одна единственная в спальне. Кажется, Марина так поставила ее, чтобы обязательно видеть из постели. Наверное, очень чтит этого святого.

Врач знает его. Николай Угодник. Он добрый, но и строгий. Сейчас его суровый взгляд устремлен на врача.

Если бы Иоганн Рихтер верил в Бога, в святых, то подумал бы, что святой Николай осуждает его за то, что он, призрак, думает о живой женщине.

Но врач не верит ни в Бога, ни в святых. А осуждение... Он сам себя осуждает. В спальне это чувство становится особенно сильным.

«Надо уйти, забыть дорогу сюда», – думает Иоганн Рихтер.

Знает, что если не сделает это, то не сможет совладать с желанием видеть Марину. Он покинул бы квартиру, ушел бы в свой призрачный мир, если бы...

Если бы Марина не вошла в квартиру.

Он безумно счастлив видеть ее. Задержится в квартире. Ненадолго, всего на несколько минут.

Это не будет иметь никаких последствий. Она не заметит Иоганна Рихтера. Сейчас день, люди не могут увидеть призрака. А он в последний, самый последний раз поглядит на нее...

Марина сбросила в прихожей шлепки, босиком вошла в спальню. Видно, хотела переодеться, потому что направилась к шкафу. Но остановилась, немного не дойдя до него, посмотрела по сторонам. Вся замерла.

– Ты здесь, Иоганн Рихтер? – тихо спросила.

В этом вопросе – утверждение. Она почувствовала его...

Такое произошло впервые в призрачной жизни врача. Никогда люди не замечали его присутствия, когда он был невидим. Марина тоже, когда наблюдал за ней.

А сейчас что-то изменилось. В ней и, наверное, в нем тоже. Что-то уже связало их...

Иоганн Рихтер ошеломлен, хочет ответить ей. Но знает – ничего не получится. Невозможно. День на дворе – Марина просто не услышит его.

Врач забыл обо всем на свете, кроме нее, очень близко подошел к ней. Пальцами провел по ее губам.

Не чувствует ее тела, но все равно это для него – прикосновение к ней. Это бесконечное счастье. Оно нужно ему. Как воздух, как жизнь.

– Я знаю, ты здесь, Иоганн Рихтер, – шепчет Марина, – приходи ко мне. Так, чтобы я могла видеть тебя. Я тебя жду. Очень жду.

Марина ждет его...

Он придет, сегодня же вечером придет к ней!

Иоганн Рихтер не может поступить по-другому. Они нужны друг другу. Они будут встречаться.

Он не будет думать о том, что она живая, а он – лишь душа, задержавшаяся в этом мире.

Глава 9

Марина не удивилась, когда увидела Иоганна Рихтера. Ждала его. Знала – днем призрак услышал ее слова. Молодая женщина чувствовала: он был очень близко, когда она вернулась в квартиру.

Марина надела для него свое лучшее платье. Длинное, с открытыми плечами. У нее красивые руки, они полностью обнажены в этом платье.

– Сегодня я тебя чувствовала, ощущала, – сказала Марина, когда призрак пришел к ней из зеркала.

– Знаю, я тоже чувствовал тебя.

Иоганн Рихтер не признался, что днем был в ее доме, но и не стал лгать. Просто не открыл ей всей правды.

Они снова пошли в город. Затем были в ночном баре. Он сделал так, чтобы люди – их здесь было совсем немного – могли видеть его. Иначе как бы со стороны выглядела Марина? Все думали бы, что она разговаривает сама с собой.

Сначала они сидели за столиком. Марина выпила немного вина. Потом она танцевала.

Одна. Его ведь нельзя обнять.

Но все равно – каждое движение Марины предназначалось только для него. А он ласкал ее взглядом. Она чувствовала сильное возбуждение, вкладывала его, все свои эмоции в этот танец. Жила в эти минуты танцем и мужчиной, который глядел на нее.

Потом лишь заметила, что все в баре, даже женщины смотрят на нее.

– Вы удивительно хороши, – сказал ей кто-то.

Она тогда шла к своему столику, к Иоганну Рихтеру.

Врач думал – никто не глядит на нее, все в их паре видят одну Марину. Вполне естественно, необычная, красивая женщина с обыкновенным мужчиной.

Но он ошибся.

Айна!

За ними наблюдала страстно любящая его, очень чуткая Айна. Она больше смотрела на Иоганна Рихтера, чем на Марину.

В последнее время он вел себя не так, как всегда. На нее почти не глядел. Айне было не по себе, она уже несколько дней следила за врачом.

Сегодня ей все стало понятно.

– Зачем она нужна тебе? – спросила Айна, когда они ночью были в библиотеке.

Все, как обычно. Иоганн Рихтер с книгой в руках, Айна рядом.

Все так, как было столетиями. Но есть и новое – ее гневный взгляд. Никогда она не смотрела так на врача.

Иоганн Рихтер был удивлен этим вопросом. Откуда Айне все стало известно? Впрочем, это неважно.

Он постарается меньше врать, ведь они очень долго вместе. И обязательно объяснит главное.

Марина и Айна...

Одна – живет, другая, как и он, – призрак. Как Марина может мешать Айне? Но ведь ревнует, темножелтые глаза полны этим чувством.

Надо успокоить Айну:

– Марине я просто помог, как помогал многим, ты же знаешь.

– Может, сначала и помогал, но в баре уже было другое!

Значит, она их там видела.

– Да, Марина интересна мне, – признается он, – но от этого ничего не изменится. Я призрак, она – нет. А ты была и будешь со мной.

– Ты – безумец, раз встречаешься с ней. Но в любом случае я люблю тебя, не хочу, не буду, никогда не буду делить с другой, – чуть ли не кричит на него Айна.

Впервые в жизни она так разговаривает с Иоганном Рихтером. Смотрит на него с яростью. Видно, как это чувство растет в ней.

Она уже не сидит. Вскочила. Смотрит на него сверху вниз:

– Прекрати встречаться с ней! – требует.

– Наши встречи ничего не изменят. Ты была и будешь со мной, – повторяет Иоганн Рихтер.

Он ни за что не перестанет видеть Марину!

– Раз так, сиди в библиотеке один, безумец, – она стремительно пошла к выходу из читального зала.

Высокая, очаровательная в своем гневе. Он такой сейчас увидел Айну. Но все равно, она одно, а Марина...

Марина – другое. К ней врач чувствует то, чего никогда не испытывал к Айне.

А девушка-призрак распахнула высокую дверь, обернулась, с гневом посмотрела на него. На мгновение застыла. Стройный силуэт в белой одежде в пятне темного проема коридора.

Кажется, она хотела сказать врачу что-то еще, но не стала. Просто ушла. Он остался один в огромном библиотечном зале.

«Безумцем назвала, хорошо хоть не старым дураком», – улыбнулся Иоганн Рихтер. Самоирония, которой его не обделила природа, всегда помогала при стрессах. Он шутил даже с теми, кто когда-то замуровывал его в камень. Пошутил и сейчас. На этот раз над собой.

Так легче сгладить то, что внутри. Он понимает, Айна права. Сущее безумие – продолжать встречаться с Мариной. Но врач не собирается прекращать это безумие.

А свою вечную спутницу он жалеет. Знает, что нанес ей удар.

«Ничего, успокоится», – надеется он.

Придет в себя, вернется, они спокойно поговорят. Он убедит Айну, что никуда не денется от нее, что любит ее по-прежнему. Можно было бы, конечно, ускорить этот процесс, найти Айну, применить к ней гипноз, но Иоганн Рихтер не собирается так поступать с ней.

Он ценит Айну, уважает ее.

Он ждет ее возвращения

Но девушка не появляется. Ни в их комнатке в Латвийском художественном музее, ни в библиотеке. Ни на следующий день, ни потом. Она продолжает следить за Иоганном Рихтером. Видит его встречи с Мариной. Гнев ее растет.

«Либо я, либо она», – укрепляется она в этом решении.

Иоганн Рихтер один дома, один в библиотеке. Айны рядом с ним нет. Оттого становится тоскливо.

Но ожидание мига, когда он снова увидит Марину, сильнее. Оно затмевает грусть.

Марина хотела сходить к Petrikirche, чтобы посмотреть картины высокого светловолового художника, который так глядел на нее, но не собралась это сделать. Она была поглощена Иоганном Рихтером, чуть ли не каждую ночь виделась с ним.

Из-за этого стала мало спать. Но сам сон сейчас у нее другой, не как прежде, когда жила своим горем. Бессонница оставила Марину, она спит глубоко, без сновидений.

Лишь один раз к ней пришел необычный сон.

В этом сне она оказалась среди зеркал. Идеально чистых, огромных.

Марина видит в них множество своих двойниц. И ей не по себе: узкое длинное пространство между зеркалами, в котором она находится, становится все меньше и меньше.

Она не знает, так ли это, или лишь кажется, но все равно страшно. Надо как можно скорее отсюда уйти!

Сначала Марина быстро идет, потом бежит по коридору между зеркал.

Нет, это не иллюзия: стеклянные плоскости медленно, но неотвратно приближаются к ней. Выхода из коридора не видно.

Марину охватывает ужас. Зеркала скоро поглотят ее, заберут в себя. Она старается бежать, как можно быстрее, ей уже не хватает воздуха.

Но вдруг – она видит мужчину. Он очень далеко. Марина мчится к нему. Иоганн Рихтер! Да, это он!

Сидит на старинном стуле с высокой спинкой. Ссутулился, грустный. Не видит ее, смотрит куда-то перед собой. У него на коленях лежит открытая книга.

Марина окликает его. Она знает – призрак обязательно защитит ее от зеркал.

Но тут... появляется еще одно зеркало. Оно встает между ними. Марина видит в нем свою двойницу. Испуганную, растрепанную. Противно на себя такую смотреть!

Но она ничего не может поделать с собой. Стекло пространство, в котором заключена Марина, становится все меньше. Скоро она сольется со своими двойницами, спрятанными в зеркалах. Навсегда станет такой же плоской и призрачной, как они.

Приходит ощущение того, что все кончено. Сейчас зеркала заберут Марину в себя.

Но вдруг она слышит голос Иоганна Рихтера. Он услышал Марину, зовет ее!

От этого что-то сразу меняется в ней. Она понимает, что не пропадет в зеркалах. Надо только найти силы противостоять им. И она чувствует в себе эти силы. Страх уходит, Марина стремительно идет прямо на зеркало, которое разделяет ее и Иоганна Рихтера.

Она видит в нем себя изменившейся. Красивой, решительной. А само зеркало становится туманным. Будто тает. Марина еще не успела подойти к нему вплотную, когда оно исчезло. Другие зеркала тоже сгнули.

Марина снова видит Иоганна Рихтера. В его взгляде – сила, он идет к ней. Марина понимает – врач понял, что она в беде, пришел на помощь, его зов помог ей собраться. Зеркала испугались их, отступили.

Призрак снова спас ее.

А врач останавливается. Смотрит на Марину, не сводит с нее глаз. Она медленно, очень медленно идет к нему.

Не потому, что не хочет быстрее. Нет, ей доставляют наслаждение эти мгновения. Мгновения приближения к нему.

Она возбуждена, чувствует, как напряглись соски груди...

Забывает во сне, что перед ней призрак. Сейчас они, наконец, будут вместе. Она хочет его, как никогда никого не хотела.

Но... перед ней уже другой человек. Он чем-то похож на Иоганна Рихтера. Он незнаком Марине, хотя нет...

Где-то она видела его. Недавно. Здесь, в Риге.

К нему тянет, тянет сильно. По-другому, чем к призраку, но тянет.

Он стоит возле мольберта, держит кисть.

Смотрит на Марину с желанием, страстью, нежностью...

Но в его глазах есть и страх, сильный страх. Неожиданный, непонятный. Марина чувствует одно – ему плохо из-за этого страха. Его жаль. Она очень хочет помочь ему...

До него всего несколько шагов...

...Марина просыпается.

Она тут же вспоминает мужчину, которого видела во сне. Это художник с маленькой площади возле кирхи святого Петра!

Да, подумала Марина, Иоганн Рихтер и незнакомый ей художник действительно немного похожи. Есть что-то общее в чертах лица. Какое-то трудноуловимое сходство.

Когда увидела художника, не заметила этого. И не почувствовала к нему влечения. Интересно...

Но тут Марина случайно посмотрела на часы. Господи, да она совсем заспалась!

Надо быстрее одеваться. Воскресенье, вот-вот приедут дядя Петя и Алексей. Они отвезут ее в Сигулду, покажут Рундальский дворец...

– Неважно выглядишь сегодня, – заметил дядя Петя, когда они выезжали из Риги.

Добродушный толстяк то и дело с тревогой посматривал на единственную племянницу. А раньше, совсем недавно, был так доволен, что повеселела, вышла из депрессии.

Марина знает, что он прав. Стала бледной, под глазами – темные круги. Дают знать о себе частые ночные встречи. Но не только это.

Она тянется к Иоганну Рихтеру, чувствует душевную гармонию с ним. Но все равно, он безумно далек. И с этим нельзя ничего сделать. Оттого она часто грустит.

Эта грусть непохожа на ту черную, давящую, с которой приехала в Ригу, но все равно она есть, от нее горько на душе.

Да и московская боль еще не прошла до конца. Просто благодаря новому, пришедшему в Риге, эта боль притупилась. Марина теперь может жить с ней.

– Может, сходим к врачу, к психоневрологу? – тем временем предложил обеспокоенный дядя.

– Мой однокурсник лечился у одного очень толкового доктора. И Марина может пойти к нему, – тут же развил эту тему Алексей.

Все его вытянутое лицо выражало желание как можно лучше и быстрее помочь кузине. Кузен был готов начать действовать прямо сегодня.

– Нет, не надо никакого врача, просто я неважно сплю в последнее время, – возразила Марина, – а так мне уже намного лучше.

Это чистая правда, она живет, снова живет!

Дядя Петя и Алексей поверили Марине, не стали настаивать на визите к врачу. Но они не оставили тему ее здоровья. Заговорили о снотворных, одно из которых надо обязательно подобрать для нее.

Марина ласково посматривала из-за своей длинной челки на заботливых родственников, вяло поддерживая разговор. Она думала не о снотворном, и не о Рундальском дворце. Ждала позднего вечера, той минуты, когда снова придет Иоганн Рихтер. И у нее будут часы настоящей жизни.

Машина быстро ехала по шоссе в сторону Сигулды. Утренний туман еще не растаял. Его не могли прогнать солнце и слабый ветер.

Все было в тумане – редкие хутора, маленькие городки, поля, сосновые леса.

Анна и Жанна заряжаются силой от тумана. Они ждут, очень ждут новую жертву.

Но возле башен безлюдно. У них недобрая слава, люди стараются обходить их стороной. Иоганн Рихтер и другие призраки говорили Айне о двух сестрах, и она никогда не приближалась к башням. Сегодня вышло иначе. Она просто забыла об Анне и Жанне.

В девушке был силен гнев на Иоганна Рихтера. День и ночь она бродила по городу, думала о его предательстве. Случайно оказалась возле башен.

«Права, надо навсегда оставить его», – сразу пришло в голову.

«Пусть изменник встречается с этой маленькой женщиной», – подумала Айна.

Это Анна и Жанна проникли в сознание девушки-призрака, заговорили с ней.

Айна и сама не хочет возвращаться к врачу. А сестры-колдуньи усиливают ее настрой. Девушка поддается, в ней разгорается обида на Иоганна Рихтера. Сестры это видят, дальше идут.

«Он заплатил за любовь предательством», – говорят ей.

«Надо причинить зло ему, и этой женщине», – шепчут.

Нет! Айна в ужасе от этой своей, как считает она, мысли. Сразу отбрасывает ее. Она не может нанести Иоганну удар. И женщину эту не тронет, ведь она дорога ему. Но как же ненавидит Айна разлучницу...

Больше всех других людей вместе взятых. Обнять бы ее своими руками, несущими смерть...

На мгновение эта мысль, подброшенная Анной и Жанной, пришла к Айне. Девушка тут же отвергла ее.

Она никогда так не поступит. Пусть Иоганн остается с этой женщиной. Айна больше не увидит его. Она ни за что не вернется к врачу, пока он встречается с этой маленькой женщиной!

Туман понемногу рассеивается. Айна уходит от башен, направляется к окраинам города. Босые ноги ее в песчаной балтийской земле. Ведь возле башен почти нет травы.

Анна и Жанна довольны. Они пока не толкнули Айну на зло, но заронили в нее мысль об этом. Может, даст всходы...

А пока они усилили в Айне желание расстаться с Иоганном Рихтером. Ей теперь будет еще хуже.

Сестры хорошо поработали с Айной. Надеются, что она снова придет к ним. Девушка – феноменально чувствительная, и у нее очень сильное поле. Такое очень редко бывает. Это на руку сестрам-колдуньям.

Если Айну снова охватит сильный гнев, если она снова забудет об опасности башен, сестры сразу почувствуют это через токи ее поля. Они не смогут на расстоянии вложить девушки свои мысли. Но, возможно, им удастся сделать так, что ей захочется сюда прийти. Это получится опять-таки благодаря ее полю: ни на кого не воздействует на большом расстоянии магия двух сестер, Айна – счастливое исключение.

А когда девушка будет здесь, сестры постараются зарядить ее всем злом, которое смогут придумать. Как следует, поиграют с ней.

Мысли об этом заводят сестер. Они счастливы. Мучить других – для них главное. Их даже никогда не тянуло к мужчинам. Только к одному когда-то почувствовали желание. Обе, одновременно. Желание пришло ненадолго, на минуты. Это было давно.

Тем вечером Андрис допоздна бродил в поисках незнакомки по старому городу. Устал, но надежда давала ему силы.

Художник получил удар.

Встретил ее, но молодая женщина была не одна. С мужчиной. Они вдвоем вышли из ночного клуба. Спутник незнакомки был невысокий, стройный. Элегантно одет, в основном, в черное. Андрис сразу обратил внимание на то, что у него очень легкая походка.

Так художник впервые увидел Иоганна Рихтера. Он и Марина снова ходили в ночной клуб, она опять танцевала для него. Эти танцы стали для нее и, наверное, для него заменой близости.

Они не заметили Андриса, глядели только друг на друга. А он последовал за ними.

Решил, что не подойдет к незнакомке. Это не тот случай, когда видел ее издали, и с ней шли два каких-то господина. Сейчас с ней точно ее мужчина. Сомнений не может быть...

Если бы Андрис был здоров, обязательно подошел к ней, боролся бы за нее. Но что он, больной, может дать ей?

Остается издали смотреть на нее. Смотреть и... завидовать этому стройному мужчине. Художник следовал за ними до самого дома Марины...

Они шли очень медленно, видно, что были поглощены друг другом. Но что интересно, заметил Андрис, не обнимались, даже не держались за руки. Обычно влюбленные так не себя не ведут.

Но затем все было, как и у других пар. Марина со своим спутником зашли в подъезд.

«Живет с ним», – подумал с горечью Андрис. – «Такая необычная женщина не может быть одна».

И еще одна мысль...

Эта мысль и раньше нередко приходила к художнику, а в последнее время стала посещать его еще чаще:

«Господи, но почему, почему я такой, откуда эта болезнь?»

Он посмотрел вверх, будто хотел поговорить с Богом, задать Ему напрямую этот вопрос. Но над ним было только небо, к которому тянулись крыши разноцветных домов.

А это что такое? Андрис не верит своим глазам.

К нему поворачивает голову каменный пес на крыше дома, в который вошли незнакомка со своим спутником. Внимательно смотрит на него. И не только...

Вдруг гавкнул несколько раз. Не сердито, напротив, очень приветливо.

Андрису, однако, не до интонаций собачьего лая. То, что видит и слышит, удар для него...

Художник знает – он сам не свой в последние недели. Из-за любви, из-за отчаяния, что это чувство не будет счастливым. Может, внутреннее напряжение сказалось на психике? Начались галлюцинации...

Он снова посмотрел наверх. Теперь каменный пес, как и положено, застыл на своем месте. Но ведь двигался же, только что двигался! И еще лаял!

Андрис быстро шел домой. Был расстроен, подавлен.

Что будет с его родителями, у которых он один, которые живут для него? Что ждет его самого?

Он старался не смотреть на Велту, когда зашел в ее спальню, пожелать спокойной ночи.

Напрасно. Она все равно почувствовала – с сыном неладно.

Ничего не стала спрашивать. Всегда сам делится.

А он не мог сказать маме об этом. Слишком страшная новость.

Впрочем, подумал он перед сном, может, рано паниковать. Надо посмотреть, понаблюдать за собой.

Несколько дней Андрис ждал новых галлюцинаций. Это были плохие, тревожные дни. Болезнь художника, его страх от взглядов чужих стала сильнее, ведь он был, как на иголках.

Слава Богу, больше он не увидел ничего подобного каменному псу, поворачивающему к нему голову.

«Наверное, показалось», – решил.

На том успокоился. Скоро и болезнь вошла в привычные рамки.

Андрис снова рисует незнакомку. В его полотнах еще больше грусти. На каждом – она уходит в даль...

У картин разный фон. Иногда дождь, иногда песчаные дюны в ярком рассвете, иногда улицы города. Суть одна. Незнакомка оставляет его...

Андрис изображает ее одну. Спутника девушки он не станет писать. Ему нет места на картинах художника.

Марина ловит себя на том, что стала рассеянной. Даже иногда забывает взять мобильник, когда уходит из дома. Такого никогда не было. Родители несколько раз не могли до нее дозвониться, волновались. Сама расстроилась. Обещала впредь так больше не делать. Не удается.

Да что мобильник. Она все вокруг себя видит как во сне, будто со стороны смотрит на мир.

Рига... Город все больше нравится Марине, но она часто ловит себя на одной мысли. Думает о том, как то или иное место будет выглядеть ночью, когда она придет сюда с Иоганном Рихтером.

Она стала жить ночными свиданиями, остальной мир постепенно становится лишь фоном для них.

Марина мало спит, плохо выглядит.

«Бог с ним, это неважно», – думает она.

Главное, у нее есть Иоганн Рихтер.

Он есть...

Есть? Есть ли он у нее? Вот это самый большой, больной вопрос, который задает себе Марина.

Она часто представляет себе близость с ним. Но это невысказано, нереально. Оттого мучается, но продолжает мечтать о слиянии с этим мужчиной. Ждет каждой новой встречи, чтобы потом еще больше хотеть его. Все больше видеть этот мир, как во сне.

Главным для Марины становится общение с призраком. Она живет чувством к нему, переживаниями, связанными с ним. Другое отступает на второй план.

Глава 10

Марина становилась все ближе Иоганну Рихтеру. Он рассказал ей о своей жизни.

Долго не хотел этого делать. Знал – они не смогут всегда быть вместе. Поэтому, пусть лучше он будет для Марины призраком без прошлого, иначе их свяжут еще более крепкие нити.

Так решил Иоганн Рихтер. Но снова, уже не в первый раз в отношениях с Мариной, отступил от своего решения.

Она не раз просила его рассказать о себе. Он уступил. Она все узнала.

Тем вечером они поднялись на смотровую площадку кирхи святого Петра. Были вдвоем над городом. И будто вдвоем во всем мире.

Под ними только Рига и Даугава, сверху хорошо видно, как быстро текут ее воды. Крыши домов, мостовые города – мокрые. Перед этим был очень дождливый день.

– Что же они с тобой сделали, Господи! – воскликнула Марина, когда услышала о его казни.

Она лишь один раз перебила врача. Тогда же он впервые увидел ее слезы.

Одно из мгновений, которые Иоганн Рихтер и любит, и боится...

Он видит: Марина хочет прижаться к нему, она вся устремлена к нему. Но они недостижимы друг для друга.

– Сам виноват, Fräulein, допустил врачебную ошибку. Но ничего, перенес это, изменился немного, но все-таки перенес.

Он старался говорить шутливым тоном, хотел снять напряжение, в котором была Марина. Не удалось, она была вся поглощена историей жизни Иоганна Рихтера:

– А как потом, как все эти века жил?

Он все рассказал ей. О том, как помогает людям, призракам, как дает врачам советы, как читает в библиотеке книги по психиатрии.

Книга!

В недавнем сне Марины Иоганн Рихтер держал в руке книгу.

Она сразу вспомнила сон. Сразу рассказала ему.

Иоганн Рихтер понял, что это был непростой сон, настоящее видение души.

Но... он пока не может прочесть его до конца. Что ж, значит, на время спрячет информацию в дальний уголок памяти. Придет пора, обязательно расшифрует ее.

А Марине в ту ночь стало известно об Айне, и об эликсире бессмертия. Врач ничего не утаил от нее.

Молодой женщине стало очень неприятно, когда она узнала об Айне. Марина удивилась себе. Как она может ревновать призрака? Но ведь есть это чувство, вспыхнуло. Больно, что другая ближе, намного ближе, чем она, к этому мужчине.

Ближе хотя бы потому, что, как и он, призрак...

– Я только сейчас, когда рядом с тобой, живу, – на следующую ночь призналась Марина, – Хочу сделать, чтобы так было всегда. А то мы с тобой и рядом, и в разных мирах. Пропасть... Преодолеть бы ее...

Слова Марины многое открыли Иоганну Рихтеру. Каждое рассекло его душу.

Вот оно, то, о чем думал, когда сначала решил не встречаться с ней, о чем старался забыть все эти недели. Она – человек. Он – призрак.

Они стремятся друг к другу, но живут в разных вселенных. Он, со своей стороны, не может ничего изменить. А Марина...

Что происходит с ней!

Он, Иоганн Рихтер, забылся, отдался своему чувству. Лишь сейчас он впервые за последнее время посмотрел на Марину не как влюбленный, а как врач.

Как он раньше не замечал? Она очень плохо выглядит.

Еще бы, ее влечет к призраку. Поэтому она не знает, что делать, она в тупике. Есть лишь один выход. Страшный выход, о котором Марина, сама не подозревая того, только что сказала. Подсознательно она войти хочет в призрачную жизнь, стать такой же, как он. Ибо другого пути к нему найти невозможно.

Дальше она будет думать больше все больше об этом. Об уходе в таинственный для нее мир теней...

К чему придет? Неужели снова подойдет к окну, чтобы через него уйти к нему, Иоганну Рихтеру? А до этого выпьет его эликсир бессмертия.

Если бы врач думал лишь о себе, то сам бы предложил Марины свой эликсир. Он помнит его состав, помог бы ей приготовить его. Но это стало бы преступлением.

Да, Айне когда-то дал. Но там было другое дело. Они оба были живыми.

А что сделает Марина, когда он ей откажет в этом эликсире? На что решится, на что может пойти?

Нет, Марина должна, обязательно должна прожить свою жизнь на земле, а не бросать ее ради него, ради тени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.